

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Еремеев

Ковчег обреченных

Николай Еремеев
Ковчег обреченных

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Еремеев Н.

Ковчег обреченных / Н. Еремеев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

У каждого из героев книги "Ковчег обречённых" имеются свои проблемы. Именно они (проблемы) и собирают всех участников на борту круизного лайнера. Можно назвать это удивительным совпадением, но именно этот круизный лайнер был выбран злоумышленниками в качестве транспортного средства для контрабандного провоза портативного ядерного взрывного устройства. Смертельная опасность грозит не только героям повествования, но и десяткам пассажиров лайнера и членам экипажа корабля. Только немалый опыт героев, их решительность и храбрость позволяют в конце концов обезвредить банду торговцев оружием. Данное произведение является третьей книгой трилогии (Путешествие с изумрудом, Москва-Бангкок-Москва, Ковчег обреченных), но может рассматриваться и как самостоятельное литературное произведение. Содержит нецензурную брань.

И увидел Господь, что велико развращение
человеков на земле, и что все мысли и
помышления сердца их были зло во всякое
время.
Первая книга Моисея. Бытие, глава 6 стих 5

Часть первая

Русаков

Неприятности начинаются сразу же после поворота на Пятницкую. «Восьмёрка» с тонированными стёклами, не обращая внимания на предупреждающие сигналы, пристраивается к «мерсу» нашего клиента и старается оттереть его к обочине. Она резко влияет в сторону мерса, словно объезжая выбоину, и оказывается в опасной близости от полированного борта лимузина.

Однако, водила «мерседеса» обладает поистине железными нервами, и на маневр «восьмёрки» не обращает, казалось, никакого внимания. Его трёхтонный, блестящий чёрными лакированными бортами дредноут продолжает уверенно катиться вперёд, не сворачивая ни на сантиметр. И только после того, как из-за приоткрытого окна «восьмёрки» показывается ствол автомата, я начинаю соображать, что лихие маневры жигуля не просто случайность. А нечто, гораздо более серьезное.

Вовка реагирует первым. Резко вывернув руль и поддав газу, он прямо-таки бросает свой «шевроле» в просвет между «мерсом» клиента и «восьмёркой». В то же самое мгновение салон нашей машины начинает напоминать шалаш во время грозы. Когда огромные, величиной с голубиное яйцо градины стараются пробить крышу ненадёжного убежища.

Правда, по обшивке нашей машины барабанят вовсе не градины. А самые, что ни на есть настоящие пули калибра 5,72. Однако, в отличие от градин, барабанят они не по крыше а по бортам и окнам. Оставляя на стёклах довольно заметные отметины. Ощущение, прямо скажем, не из самых приятных.

От неожиданности машинально делаю то единственное, что сделал бы на моём месте любой нормальный человек: я прячу голову в песок. Правда, за неимением песка, пытаюсь втиснуть столь ценную для меня часть тела между собственными коленями. И только с большим запозданием соображаю, что бронированная обшивка нашей машины, способная противостоять даже «мухе», вполне способна защитить нас от автоматных очередей.

– Имеем огневой контакт, – слышу я рядом с собой Вовкин голос. – Игорь, ведёшь клиента, я разбираюсь с «восьмёркой». Оружие применять только в крайнем случае. Как понял?

– Не пальцем деланный, разберусь, – слышится из динамика рации голос Игоря. – Сам справишься?

Вместо ответа Гаевский резко бросает машину влево, стараясь отсечь «восьмёрку» от клиента. Резко визжит по разогретому асфальту резина и «восьмёрка» вылетает на встречную полосу. В это же время в пространство между нами и «мерсом» клиента вклинивается неприметный микроавтобус. Но для клиента это уже не опасно: внутри сидят Игорь и Саня. В случае, если налётчики атакуют парой, они примут удар на себя.

А нам самое время разобраться с «восьмёркой». Там уже поняли всю бесперспективность стрельбы «шевроле» и теперь стараются во что бы то ни стало оторваться от преследования. Водители некоторых машин уже успели сообразить, что соседство с нами весьма опасно и срочно притормаживают, уступая путь. Однако, попадаются и настолько тупые, что продолжают ехать, как ни в чём ни бывало в одном направлении с нами. Это создаёт определённые

неудобства, ограничивая нас в маневре, но деваться некуда: не мы выбрали место и момент для нападения.

Мы почти настигаем «восьмёрку», ещё немного, всего чуть-чуть, и нам удастся притереть её к обочине. Но тут в дело вмешивается Его Величество Случай. Жёлтая «мазда», небольшая, словно игрушечная, вдруг резко трогает с места и прямо от тротуара летит в левый ряд, подрезая дорогу. Нам некогда разбираться: сидит ли там обычный лихач или же это подельщики плохих парней из «восьмёрки». Вовка пытается притормозить, однако, на такой скорости это весьма проблематично. Вовремя сообразив, что столкновения не избежать, он просто таранит «мазду» правым крылом и едет дальше.

Жёлтый автомобильчик бросает вправо, раскручивает и вминает в левый борт маршрутного такси. Мне недосуг смотреть, что будет дальше, но всё же, бросив короткий взгляд в боковое зеркальце, я про себя отмечаю, что столкновение обходится без жертв. Потому что из автомобильчика вслед нам грозит кулачком женская рука. Ничего, другой раз будет осторожнее.

Правда, столкновение с «маздой» изрядно подгадило и нам: короткой задержки хватило на то, чтобы место между нами и налётчиками оказалось занято. Теперь перед нами неспешно катит серенькая «волга» с помидорной или какой там ещё рассадой, разложенной у заднего стекла, а «восьмёрка», воспользовавшись выпавшим ей шансом, пролетает на жёлтый свет.

Как и следовало ожидать, тучный дядька за рулём «волги» оказывается примерным водителем. Он тормозит у светофора, лишая нас последней надежды поквитаться с налётчиками. Но так думаю только я. Гаевский же решает иначе: резко вывернув руль и выехав на встречную полосу, он, не обращая внимания на возмущённый рёв клаксонов, буквально протискивается сквозь поток несущихся влево и вправо машин. В этот раз, слава Богу, обходится почти без потерь. Ну, может быть, задний бампер немного покосился. Зато мы вырываемся на оперативный простор.

На пустой дороге настичь «восьмёрку» – дело пустяковое. Едва оказавшись за пределами перекрёстка, Вовка вдавливая педаль газа в пол и меня буквально вжимает в кресло. Беглецы замечают наш маневр и пытаются оторваться. Но куда им против нашего шестилитрового движка? «Восьмёрка» хоть и резвая машинка, однако же, расстояние между нами начинает стремительно сокращаться.

Водила «восьмёрки» принимает единственное, на его взгляд правильное решение: он пытается уйти узенькими улочками и дворами. Доехав до очередной улочки, он, не снижая хода, бросает машину вправо. Даже на приличном расстоянии мне заметно, как лёгкий автомобиль идёт юзом. Каково же будет повернуть на «шевроле»? Поэтому перед поворотом я осторожно бросаю Вовке:

– Притормози.

Но Гаевский и без меня знает, что нужно делать. В узкую улочку мы сворачиваем без проблем. И сразу же замечаем «восьмёрку». Она застыла, уткнувшись развороченным капотом в стоящий у тротуара асфальтовый каток. Вовка сбавляет скорость и, проехав пару десятков метров, останавливается рядом.

Удар был настолько силен, что моторный отсек «восьмёрки» практически задвинулся в салон. Лобовое стекло автомобиля вывалилось и лежит на асфальте неподалёку, испещрённое частыми трещинами. Среди которых явственно проступает вмятина от головы того, кто сидел на пассажирском сиденье. Движения в машине не заметно и, немного подождав, Гаевский припускает левое стекло.

Ничего не происходит. В «восьмёрке» по-прежнему тихо. Как тихо и вообще на этой пустынной улочке. Лишь где-то вдали виднеются фигуры редких прохожих. Не сговариваясь, мы с Вовкой выскакиваем из машины и бежим к «восьмёрке». Картина, открывшаяся нашим глазам, заставляет поёжиться. Салон весь залит и заляпан кровью. Её запах, смешанный с запахом горелого пороха, ощущается даже на расстоянии.

Грудь водителя пробита рулевой колонкой и с первого взгляда становится ясно, что он мёртв. Рядом, в залитой кровью одежде упокоился стрелок. Парню не больше восемнадцати, совсем ещё пацан. Крови столько, что она уже успела скопиться приличной лужицей на коврике. Где между ног парня валяется «АКСу». А проще – автомат. И несколько десятков стреляных гильз.

– Отъездились, торопливые, – философски замечает Вовка и наклоняется к бардачку. Порывшись там, ничего не находит и, судя по всему, не особенно этому удивляется. Стараясь не запачкаться, тянется к карману рубашки водителя. Однако, кроме сигарет ничего не обнаруживает.

– Ну, должно же быть у них что-то, что наведёт нас на заказчика, – бормочет он, принимаясь рыться в карманах стрелка. В это время парень издаёт еле слышный стон.

– Живой! – удивляюсь я.

Гаевский напротив, словно такое с ним происходит ежедневно и ежечасно, вовсе не удивлён. Деловито ощупав шею стрелка, его руки и ноги, он поворачивается ко мне и коротко бросает:

– Открой заднюю дверь. Пацана берём с собой.

По-быстрому устроив стрелка на заднее сиденье, мы садимся в машину, и трогаемся с места. Я машинально бросаю взгляд на часы и с удивлением обнаруживаю, что с начала нападения прошли всего пара-тройка минут. Хотя казалось, что обстрел, а затем погоня продолжались по меньшей мере час. Поворачиваю голову назад и разглядываю стрелка. Парень по-прежнему без сознания. Удивительно, что он вообще остался жив после такого удара.

– Игорь, – раздаётся рядом голос Гаевского. – Что у вас?

– Нормалёк, – оживает динамик рации. – Доставили клиента в адрес, теперь ждём-с. А у вас?

– Взяли одного, – немногословно отвечает Вовка. – Едем на Каменщики.

Каменщики – наше тайное пристанище. Или отстойник. Или конспиративная квартира, называйте, как хотите. Там мы принимаем особо доверенных клиентов, передерживаем нужных людей, а иногда и просто используем помещение под гостиницу. Нас очень устраивает наличие так называемого «чёрного» хода в квартиру. Хотя правильнее было бы называть его «грязным». Небольшая, неприметная дверца, ведущая в камеру мусоросборника, затем ещё одна, такая же неприметная. Которая выводит непосредственно в подъезд. Конечно, немного воняет, зато любопытствующие глаза старушек, вечно перетирающих сплетни у подъезда, сюда не достают.

Именно «грязным» ходом мы и собираемся доставить незадачливого стрелка в квартиру. Он уже начинает понемногу приходить в себя и это радует. Нам просто дозрелу необходимо вытащить из него сведения о заказчике как можно быстрее. Иначе в следующий раз нам может повезти меньше. Если вообще повезёт.

Подогнав машину почти вплотную к дверце мусоросборника, мы принимаемся за стрелка. Он уже настолько пришёл в себя, что может послушно завести свою руку мне на шею и с моей помощью выбраться из салона. Гаевский проворно отпирает навесной замок на дверце, и мы так быстро, насколько позволяет состояние моего подопечного, юркаем в тесное помещение.

Парень, буквально висящий у меня на шее, всё время норовит сползти на пол. В нос моментально ударяет целый букет премерзких запахов, но нам сейчас не до этого. Главное, незаметно для остальных жильцов подъезда провести стрелка к нам, на третий этаж. Утешает лишь, что в это время дня трафик по лестничным пролётам не очень оживлённый. Как и следовало ожидать, в квартиру мы пробираемся незамеченными.

Притворив за собой входную дверь, Вовка командует:

– В ванную его.

Да уж, лучше ванной комнаты ничего не придумать. Не хватало ещё перепачкать в крови стрелка всю квартиру. Поэтому я волоку почти очухавшегося паренька в ванную, а зашедший следом Вовка по-быстрому приковывает его наручником к ножке чугунной ванны. Наш пленник на первый взгляд не блещет развитой мускулатурой, поэтому освободиться ему будет довольно затруднительно.

Сняв с крючка полотенце, подставляю его под струю холодной воды, затем, не отжимая, хлопая им по голове пленника. Сам устраиваюсь рядом на унитазе и закуриваю. После ошутимого шлепка по голове стрелок окончательно приходит в себя. Свободной рукой стаскивает полотенце и пытается провести им по лицу. Однако, ссадины и мелкие ранки на лице не позволяют ему получить удовольствие от водных процедур. Парень морщится и, отложив полотенце на пол, вопросительно смотрит на нас.

– Как звать? – в упор рассматривая парня, спрашивает Гаевский.

Особого испуга в его облике я пока не замечаю. А может, он ещё не до конца осознал всю бедственность своего положения? Я легонько пинаю его носком ноги в голень:

– Ты не оглох, случаем?

– Штаны.

– Что, штаны? – не поняв, при чём это, спрашиваю я.

– Погоняло такое: Штаны, вот.

– Ты имя, имя своё назови! – рявкает Вовка.

– Ну, Кеша, – тянет парень.

– Так вот, Кеша, – начинает Гаевский. – Если хочешь отделаться по минимуму, колись, кто тебя послал. Будешь молчать, только хуже себе сделаешь. Усёк?

– Ага, – по лицу Кеша пробегает тень улыбки. – Знаю. Длина срока прямо пропорциональна длине языка.

– Смотри, Андрей, какие умные слова знает, – удивляется Вовка, и, повернувшись к стрелку, говорит как можно мягко: – Пойми, сынок, мы же не РУБОП какой-нибудь. И нашли тебя не где-то на бульваре с анашой в кармане. Нет, мы тебя при покушении на нашего клиента приняли. Это твоё счастье, что он пока не знает, что ты уже у нас. А то приказал бы тебя под асфальт закатать, и все дела. Или горячую ванну из битума устроить. Если не чего похуже. Так что для тебя в твоём положении прямая выгода назвать нам того, кто тебя послал.

– А он меня потом... – парень замолкает, явно не желая примерять на себя варианты, какими может с ним расправиться заказчик.

– Так то потом, – убедительно произносит Вовка. – И то вряд ли. А мы сейчас. И наверняка. Выбирай.

– Дайте закурить, – наконец говорит Кеша после недолгой паузы.

Я знаю, как ведут себя в подобных условиях пленники. Как правило, долгих уговоров не требуется: время сейчас другое и люди уже не те. Но ему всё же необходимо какое-то время, чтобы поразмыслить над предложением Гаевского. Что ж, закурить, так закурить. Это можно. Я прикуриваю и протягиваю ему сигарету. Кеша тянется за ней свободной рукой, подносит к губам, затягивается.

Приступ тошноты начинается у него так стремительно, что мы с Вовкой даже не успеваем ничего предпринять. Я только поджимаю ноги, а Гаевский отскакивает в угол. Содержимое желудка извергается из Кешы в несколько приёмов. Наверняка это последствия сотрясения мозга, после удара. Когда тошнота проходит, Вовка поучительно замечает:

– Минздрав предупреждал... – и, помолчав, добавляет, словно одолжение делает: – Ладно уж, колись давай.

Из того, что рассказал наш пленник, выясняется, что заказчика он не знает. Не знает и того, на кого они с Кешей совершали «наезд». Просто старшой велел встретить «мерс» нашего

клиента на выезде из банка и покрошить всех, кто в нём окажется. Обычная история. Исполнитель и не обязан знать больше. На вопрос, как зовут старшего, пленник бесхитростно отвечает:

– Валет.

Это мало что объясняет. Вовка пробует добиться большего, но терпит неудачу: стрелок даже своего старшего знает лишь по кличке. И на мой недоумённый вопрос отвечает:

– А меньше знаешь, дольше проживёшь, вот почему.

– Не скажи, – замечает Вовка. – Жизнь может оказаться на удивление короткой и совсем по иной причине. Ну, например, если ты нам наплёл с три короба.

– Клянусь, всё, что знал – рассказал. А про Валета, правда, не знаю. У нас его все Валетом только и кличут.

По лицу пленника видно, что он действительно не врёт. Слишком зелен, чтобы так убедительно сыграть. Переглянувшись с Гаевским, мы приходим к выводу, что больше нам узнать вряд ли удастся. Поэтому задаём Кеше последний вопрос:

– Где сейчас может быть Валет, как его найти?

– Не знаю, – отвечает Кеша. – Сказал ведь уже. Может с бригадирами заседает. А может с девками где, это не моего ума дело. Я только номер мобилы его знаю.

Это уже кое-что. Вовка выходит из ванной комнаты и возвращается назад с телефоном. Однако, перед тем, как набрать номер, пристально глядит Кеше в глаза и с явной угрозой в голосе произносит:

– Смотри, не ляпни что-нибудь лишнее. Помни, что я сказал про удивительную краткость жизни.

Он мог бы этого и не говорить, так как Кеша и без того уже полностью деморализован и готов к любому сотрудничеству. Лишь бы его не отдали на растерзание тому, кого он пытался убить всего около часа назад. Поэтому, когда он слышит на том конце провода голос неведомого нам Валета, то говорит лишь короткую фразу:

– Валет, это Штаны. Тут это, с тобой поговорить хотят, – и протягивает мне телефонную трубку.

– Ты чего это метёшь? – слышу я голос Валета. – Кто хочет? Ты обкурился, что ли?

– Есть тема для разговора, – произношу я в трубку и, не давая времени на размышление, добавляю: – Нужно встретиться.

– А кто ты такой, чтобы я с тобой встречался? – недовольным тоном заявляет мой невидимый собеседник. Судя по голосу, человеку на том конце провода не больше сорока – сорока пяти.

– Тот самый, – отвечаю я, – кто принял твоего мальчика с горячим стволом, когда он на моего клиента наехал. Так что встретиться придётся. Хочешь ты того или нет.

– Чтой-то не пойму я, мил-человек о чём это ты толкуешь, – после короткой паузы слышен удивлённый и немного встревоженный голос Валета.

– Ну, если не понимаешь, – поясняю я, – то могу его сдать РУБОПовцам. Так что не удивляйся, когда к тебе маски-шоу нагрянут.

– Погоди-погоди, уважаемый, – беспокойство Валета нарастает. – Спешка в таких вопросах дело последнее. Давай стрелку забьём, перетрём базар.

– Вот, это другой разговор, – соглашаюсь я. – Дело срочное, говори где.

– «Царскую охоту» знаешь? – спрашивает Валет и, не дожидаясь ответа, предлагает: – Через час буду там. Халдею на входе скажешь, что к Николаю Ивановичу, он проводит. И ты это, мальчика моего с собой прихвати заодно.

– Ну, нет, – возражаю я. – Малец тут под присмотром моих людей побудет, пока мы все вопросы не снимем.

– Ты особо не банкуй, – с угрозой в голосе произносит Валет. И на какое-то время замолкает, осмысливая ситуацию. Однако, козыри пока у меня на руках. И ему не остаётся ничего, кроме как согласиться: – Ладно, езжай так. Но смотри: за базар ответишь!

В трубке раздаются короткие гудки. Мы с Вовкой выходим из ванной комнаты и уже на кухне, ожидая, пока вскипит чайник, прикидываем дальнейшие шаги. А к тому моменту, когда по кухне расплывается запах кофе, мы уже знаем, что будем делать дальше.

Перво-наперво, вызываем из резерва Саню. Пусть посторожит Кешу, пока мы не вернёмся. Затем по своим каналам пытаемся хотя бы предварительно выяснить, кто такой Валет. Первые сведения, которые мы получаем о нём, радуют. Если конечно можно использовать подобное понятие по отношению к бандиту.

Радует то, что все без исключения наши источники подтвердили: мужик умный, но жёсткий. Однако, подлянок не строит и слово держит. А это значит, что на стрелку мы можем отправляться только вдвоём с Вовкой. Так как вряд ли наш разговор перерастёт в вооружённый конфликт. Тем более, в таком людном месте, как известный на всю Москву загородный ресторан.

Какой ни спешный был вопрос, однако, на встречу мы приезжаем с получасовым опозданием. И это ещё хорошо, учитывая то количество пробок, в которых мы отстояли. Любезный метрдотель на входе моментально становится стократ любезнее, услышав, к кому мы направляемся. И провожает нас к одному из столиков во дворе ресторана. За столом, стоящим в тени развесистого дерева двое.

Один, с простодушным, широким крестьянским лицом, сосредоточенно разделяется с тушкой перепела. Огромными ручищами он выскивает в тщедушном тельце запечённой птицы небольшие съедобные кусочки и отправляет их в рот. Обстоятельно прожевав очередной кусочек, человек смачно облизывает лоснящиеся сосискообразные пальцы и тянется к бокалу с пивом. Видно, что сам процесс поглощения пищи доставляет крестьянину неопишное удовольствие.

Второй, с хищным, настороженным взглядом, бьющим во все стороны из-под глубоко посаженных глаз, ограничивается блюдом с тонко нарезанной лососиной и белым вином. В отличие от своего сотрапезника, одетого довольно демократично, хищник облачён в дорогуший костюм, модные туфли и рубашку с галстуком. В довершение ко всему, на руке у него тускло посверкивает золотой «Лонжин». Завидев нас в непосредственной близости от стола, хищник окидывает нас с ног до головы внимательным взглядом, словно оценивая ту степень опасности, которую мы можем для него представлять.

Метрдотель почтительно останавливается на некотором удалении от столика и, кланяясь, произносит:

– Николай Иванович, к вам...

К моему удивлению, обращается он к мужчине с крестьянским лицом. Хотя я представлял себе Валета несколько иначе. Тот ставит в сторону бокал с пивом, возвращает на тарелку изрядно обгрызенную тушку перепела и делает нам приглашающий жест рукой. Другая рука тоже делает жест, однако, совсем иного рода. Таким жестом обычно отсылают прислугу. Хищник резво поднимается из-за стола и отходит к соседнему столику, где два бравых с виду паренька пробавляются минералкой. Удаляется в сторонку и метрдотель, не забыв, правда, перед уходом поклониться ещё раз.

– Перекусите с дороги? – спрашивает Валет, поднимая на нас глаза.

Тут я замечаю, что простецкая физиономия не такая уж и простецкая. И мешковатая одежда скрывает под собой целую гору отлично развитых мышц. А уж про сосискообразные пальцы и говорить нечего: такими металлические рубли гнуть, нечего делать.

– Если только пива, – соглашается Вовка, присаживаясь. – И то безалкогольного.

Я тоже устраиваюсь за столом и заказываю вновь подошедшему метрдотелю бокал сухого вина пополам с водой.

– Жаль, – вздыхает Валет. – Перепела здесь отменные. Ну, тогда давайте сразу к делу. Хотя и не по-людски это... Так что вы там про мальчика моего толковали?

– Не по-людски людей из автоматов крошить, – подаёт голос Гаевский. И переходит на «ты»: – Давай сначала не о мальце поговорим. Малец – пешка, не более того. Мы хотим знать, какие претензии у тебя или у твоего заказчика к нашему клиенту. Вот отсюда и давай плясать.

– Гляжу я на вас и диву даюсь, – качая головой, произносит Валет. – Ребята вы с виду правильные, не отморозки какие-то. А вопросы ставите странные. Вы что, наивняки законченные, если думаете, что я вам все расклады отдам? Это малец мой гонит, что я его послал. А я скажу, что нет. Его слово против моего. Тут ни один суд не разберётся.

– В этом ты прав, – соглашается Вовка. – И не отморозки мы, и про суд тоже... Только при чём здесь суд, если его не будет? Если ты не в теме, то могу сообщить, что клиент наш человек непростой, авторитетный. И правильное слово знает, где сказать. Зачем ему суд? У него для таких дел специальная команда есть. Вот те действительно отморозки. А мы просто охрана. И наша задача не только из-под пуль клиента доставать, а и разрешать непонятки по мере их возникновения. По-возможности миром. Усёк? Тогда скажи: хочешь войны?

– Зачем нам война? – раздумывая над сказанным, вслух размышляет Валет. Отпив из бокала пива, продолжает: – Война дело хлопотное. Расходы большие, да и людишек жалко. Однако же, не вижу я особого резона и на заказчика волну гнать. Давайте ваши непонятки сами решим.

– Хорошо, – соглашается Вовка. – Какие претензии к нашему клиенту?

– Семейные, – отвечает Валет и, видя, что сказанное нам не по уму, поясняет: – Бабу ваш хачик увёл у моего. И назад не пускает. А у того любовь. Вот и все претензии.

– Постой, – удивляется Вовка, пропустив «хачика». – Но за это же не убивают?

– Эх, ребята, – вздыхает Валет. – Вы, словно бы и не жили на свете? За это как раз только и убивают. Вся кровь на земле только через женщин и льётся. Да вы книжки почитайте, там всё написано.

– Так не пойдёт, – протестует Вовка. – Книжки мы читали. И клиент наш тоже не безграмотный. Но причина-то пустячная. Должно же быть что-то и ещё. В конце концов, если всё так серьёзно, мой клиент может предложить отступного. Или какой другой вариант. Это всё же лучше, чем стрельба.

– А-а, ладно, – соглашается, наконец, Валет. – Всё одно, через меня решать будете. Крышу я одного дятла, по фамилии Слободчиков. Сортиры держит. Знаете, у метро будки стоят? Так этот беспределщик нерусский ещё и бизнес у него отбирает. Из-за бабы я связываться, может, и не стал бы, но за бизнес вступиться – дело святое.

– Так ты что же, и сортиры крышуешь? – не удерживается Вовка.

– И сортиры тоже, а что? Мне по барабану, кого крышевать, лавэ-то не пахнет, – глубококоммысленно заявляет Валет. – Один древний цезарь ещё когда до этого дотумкал. А уж он-то точно не баклан был, мазу держу.

Я с трудом удерживаюсь от смеха. Речь Валета и без того занятна, а уж когда он начинает прибегать к таким серьёзным аргументам, трудно оставаться серьёзным. На какое-то мгновение я даже забываю, что сидим мы за одним столиком с обыкновенным убийцей. Хотя, в наше непонятное время для некоторых убийство становится просто работой. Может, и мерзкой, но, тем не менее, работой. Вовка тем временем набирает личный номер Плиева:

– Аскер Аскерович, – произносит он в трубку и переводит разговор в режим громкой связи. – Мы пробуем снять сегодняшнюю проблему, поэтому мне необходимо знать, какие отношения, если они существуют, у вас с неким господином Слободчиковым?

– Знаю, есть такой, – слышится из мобильного голос нашего клиента. – Признаться, мне не очень понятен вопрос об отношениях. Отношения у господина Слободчикова есть лишь с нашим банком. Некоторое время назад он взял кредит под свой бизнес и умудрился просрочить все выплаты. Неделю назад на Совете директоров банка было принято решение закончить филантропию и выставить его бизнес на торги за неуплату. Не скрою, именно я был против пролонгации выплат. Вот, собственно и всё.

– Вы случайно не знакомы с членами его семьи? – осторожно продолжает допытываться Гаевский.

– А что, у этого подонка существует семья? – удивляется трубка. – Впрочем, всё возможно в этой жизни. Нет, не знаком. У вас всё?

– Да, спасибо, – отвечает Вовка, даёт отбой и смотрит на Валета: – Ну, что, ты сам всё слышал.

Я тоже смотрю на него и замечаю разительные перемены в ещё недавно казавшемся простодушным облике Валета. Лицо стало просто каменным. Лишь глаза из-под кустистых бровей мечут молнии. И не только я замечаю это. Хищник, ещё недавно восседавший за соседним столиком в компании бравых ребят, глядя на Валета, явно встревожился. Настолько, что теперь стоит в непосредственной близости от стола и наблюдает, как его босс накручивает на указательный палец мельхиоровую вилку. Наконец, что-то решив, Валет снимает с пальца изуродованную вилку и делает едва заметный жест. Тотчас оба бравых парнишки тоже оказываются возле нашего столика. Обведя их тяжёлым взглядом, хозяин велит:

– Едем в город. – И поворачивается к нам: – Езжайте за мной.

Вовка лишь кивает и поднимается из-за стола. Провожаемые по-прежнему любезным метрдотелем мы покидаем ресторан и рассаживаемся по машинам. Не знаю, о чём разговаривают дорогой Валет и его подручные, но когда мы высаживаемся из машин у неприметного здания на востоке Москвы, настроение у него, похоже, гораздо лучше.

Офис у туалетных дел мастера оказывается таким же, как и десятки других, виденных мной ранее. Небольшая, тёмная лестница, ведущая в полуподвал, латунная дощечка, извещающая любопытствующих о том, что за дверью располагается ЗАО «Стройсервис-С», кнопка звонка.

Не прикасаясь к звонку Валет просто толкает дверь и входит в офис. Пропустив вперёд его ребятишек, мы заходим следом. Нашего прихода здесь ждали. Двое мордovorотов встают со стульчиков в приёмной и, ухмыляясь, мотают головами в сторону обитой тёмно-вишнёвым дерматином двери.

– Пора рассчитаться за наши услуги, – вместо приветствия хмуро произносит Валет, открывая дверь. И проходит к столу в углу кабинета.

Сидящий за столом полный мужчина лет пятидесяти сует в переполненную пепельницу недокуренную сигарету, достаёт из пачки «Галуаз» новую, прикуривает, нервно затягивается и, выпустив дым, произносит:

– Я, собственно, Николай Иванович, не понимаю такой поспешности. Мы с вами договаривались, что за работу я передаю вам часть акций нашей фирмы. Причём, заметьте, не самую маленькую часть. Однако, по уставу мы можем провести это решение лишь на общем заседании акционеров. А оно запланировано на конец сентября. Конечно, мы можем собрать внеочередное...

Но договорить он не успевает. Своим огромным кулаком Валет бьёт по поверхности стола так, что из подпрыгнувшей пепельницы вылетают окурки:

– Кончай пургу гнать, плесень! На туфту меня развести хотел? Бабу у него отняли, как же! Бизнес отбирают! Скажи лучше, сколько лавэ ты банку должен, царь сортирный?

– Николай Иванович, – бормочет севшим от испуга голосом сортирный царь. – Я не понимаю, откуда...

– А вот когда мои ребяташки притопят тебя в твоём же сортире, – прерывает его Валет, – сразу поймёшь, откуда. Ты что же, срань болотная, думал, вывернешься, когда я банкира замочу?

– Простите, Николай Иванович, бес попутал... – смотрит в столешницу хозяин кабинета. – Думал, успею, перекручусь, заплачу.

– А потом решил просто кредитора замочить, – подаёт голос Вовка. – Да ещё не своими руками. Очень удобно.

– Николай Иванович, – уже просто-таки блеет Слободчиков, – всё отдам, всё-всё!

– Да я и без того всё сам заберу, – ухмыляется Валет. – Да только брать-то у тебя теперь нечего: всё банк возьмёт. А с ними, – Валет кивает в нашу сторону, – мне бодаться не с руки.

– Я отработаю, – дрожащими губами выводит туалетный царь. – Только не губите.

– Ты по-любому теперь жить не должен, падла. Чтобы никто не мог сказать, будто Валета можно на понт взять.

Тут мы с Вовкой разом соображаем, что дальнейшее пребывание в офисе не в наших интересах. Негромко кашлянув, чтобы обратить на себя внимание, Гаевский негромко произносит:

– Я так полагаю, что проблема снята? Если так, то мы, пожалуй, пойдём. И без того уже излишне задержались.

– Вот с кем мне нужно было работать, а не с таким фуфлом позорным, как ты, – с досадой говорит Валет Слободчикову. И подходит к нам: – Вот, падла, как меня подставил! Пацан мой через него, считай, загнулся. Да что я, сами видите: плесень, он плесень и есть! А мальчика моего, ну, который у вас, вы уж отпустите с миром, лады?

И, когда мы, попросившись, уже выходим из дверей кабинета, добавляет:

– Если какие проблемы возникнут от «Динамо» и до кольцевой, звоните, я всё решу.

Мы не торопясь отъезжаем от офиса и движемся в сторону Центра.

– С одной стороны, – начинаю я, – как законопослушные граждане, мы должны бы сообщить о...

– А с другой стороны, – не даёт развить мне мысль Вовка, – мы всего лишь присутствовали при угрозе словом. И определять степень реальности этой угрозы не наша компетенция. Ладно, проехали... Каждый сам выбирает дорогу в этой жизни.

– Знаешь, – говорю я Вовке. – Что-то надоело мне под пулями каждый день скакать. Устал, наверное. Может, в отпуск пойду? Или давай всем агентством. А что? Организуем поездку по Волге, например. Я ни разу не был. А может, в круиз какой, международный, а? Отдохнём все вместе.

– В круиз, говоришь, – задумчиво произносит Вовка и чему-то ухмыляется. – Можно и в круиз, почему нет? Куда-нибудь вокруг Европы. Ко мне, кстати, пару дней назад подъезжал один, сватал наше агентство поработать на круизном судне. Хороших денег обещал.

– Я ему про отпуск, а он про работу, – досадливо говорю я. – Тебе же сказано: устал! Потом, зачем нам деньги? У нас что, своих мало?

– Чудак-человек, – отвечает Вовка, притормаживая у тротуара, и поворачивается ко мне: – Где ты ещё такую работу найдёшь? На всём готовом, на шикарном судне, девушек красивых пруд пруди, да ещё и деньги платят! И всего на две недели. Ну, захочешь после в отпуск, только скажи.

– Ты мерзавец, Гаевский, – говорю я. – Знал ведь, что отказать не смогу, когда про девушек говорил? Ну, хорошо, уговорил без всякого труда: едем!

Русаков

– И всё-таки не понимаю, уважаемый господин Русаков, что вас смущает в моём предложении? – никак не хочет сдаваться Аскер, выслушав мой очередной отказ. – Нашему банку такой сотрудник, как вы просто необходим. График работы для вас установим самый щадящий. Оклад тоже порадует. И – премии ежемесячно.

– Тут и понимать нечего, Аскер Аскерович, – как можно мягче, словно подслащивая горькую пилюлю, отвечаю я. – у меня отсутствует стремление зарабатывать много. Ко всему прочему, нынешняя работа в “Кольчуге” вполне меня устраивает. Тем более, я вообще начинаю подумывать об отпуске. Под летним солнышком хочу поваляться, рыбку половить. Вы не представляете, как мне надоело торчать в Москве.

– Бросьте, Андрей. Чтобы человек с таким потенциалом, как у вас – и вдруг рыбу ловил удочкой? Не поверю! – Плиев смотрит на мой опустевший бокал, и тотчас же рука услужливого официанта с бутылкой “шабли” протягивается над столом. – А может быть, вас оплата не устраивает? Так мы можем обсудить размеры вашего гонорара ещё раз. А отдыхать с большими деньгами, поверьте, гораздо приятнее, чем просто с деньгами.

– Не скрою, Аскер Аскерович, ваше предложение достаточно щедрое, – отзываюсь я. Мне очень не хочется огорчать собеседника отказом, но я знаю, что не продамся ни за какие деньги. – Однако, боюсь, я не смогу его принять. В любом случае, спасибо за уважение.

Однако, как бы я ни подслащивал пилюлю, всё равно моё “нет” огорчает собеседника. Хотя, огорчать отказом такого человека по большому счёту не стоит. Ведь именно он, уроженец города Майкопа, член адыгейской преступной группировки, владелец огромной сети АЗС на юге России, является истинным хозяином Азово-Черноморского банка.

Не Председателем правления, не главным учредителем, не членом совета директоров, а именно Хозяином. С большой буквы. Его имя, насколько мне известно, никогда не упоминалось ни в одном уставном документе банка. Но без одобрения Плиева ни один цент, ни одна копейка не могли стронуться с насиженного места в банковских закромах.

Не стоит и говорить о том, что все назначения в банке производятся только с его ведома, и только по его желанию. И вот теперь Хозяин жаждет заполучить в своё распоряжение меня, Андрея Русакова. Но ему нужен не просто я, как индивидуум. Нет, он имеет в виду, что через меня сможет завладеть всем нашим охранным агентством “Кольчуга” вместе с личным составом, естественно. А это значит, агентство перейдёт под контроль адыгейцев. Со всеми вытекающими последствиями.

Адыгеец явно разочарован исходом разговора и даже не пытается скрывать от меня свою досаду. Отпив немного белого вина из бокала, он промокает салфеткой губы, и едва заметно шевелит указательным пальцем. Тут же у столика возникает официант. Даже не спрашивая у него счёт, Плиев, покопавшись в бумажнике, извлекает несколько тысячерублёвых купюр и, протянув их официанту, кивком отослает того прочь.

– Вы всё-таки подумайте над моим предложением, господин Русаков, – произносит адыгеец, вставая из-за стола. – Не говорите ещё раз “нет”, просто подумайте. Да, чуть не забыл. – Он лезет во внутренний карман своего дорогущего пиджака, вытаскивает на белый свет продолговатый, пузатенький конверт и протягивает мне его со словами: – Это, вам лично маленькая премия плюс к гонорару “Кольчуги”.

Выплата премии после отказа от предложения выглядит несколько странно, но я боюсь огорчить Аскера отказом ещё раз. Так недолго и на неприятности нарваться. А мне они вовсе ни к чему. С другой стороны, деньги никогда не бывают лишними. Даже когда их у меня слишком много. Но к чему звонить об этом на всех углах? А в том, что в конверте деньги, я убеждаюсь, когда краем глаза заглядываю в конверт перед тем, как засунуть его в карман брюк.

На улице мы прощаемся. Адыгеец проходит к своему лимузину и, слегка пригнувшись, влезает в услужливо распахнутую охранником дверцу. Мне не очень нравится садиться за руль

после даже самых малых доз спиртного. Если и приходится это делать, то только в чрезвычайных ситуациях. И хотя за обедом мы даже не опустошили бутылку сухого вина, а это, согласитесь, здоровому мужику, как слону дробина, я предпочитаю пройтись пешком. Поэтому свой “пежо” я оставляю у ресторана, тем более, что до моего дома не больше пяти минут пешим ходом. Заперев салон и поставив машину на сигнализацию, я закурываю сигарету, и отправляюсь домой.

Пока я медленно иду к дому, разговор с Плиевым никак не вылетает у меня из головы. Чтобы сократить путь к подъезду, я сворачиваю с тротуара на тропинку, ведущую через садик. А в голове всё время крутится предложение адыгейца. Что, неужели он не мог найти во всей Москве второго такого агентства?

Хотя, только не поймите меня превратно, “Кольчуга” агентство действительно мировое. И по техобеспечению, и, в особенности, по кадрам. Таких ребят, как у нас, ещё поискать. Столько трудов и денег в дело вбухали – не сосчитать. Зато теперь у нас всё лучшее: и техника и люди. Однако, мы хоть и лучшие, но всё же не единственные!

Но, видно гордыня действительно тяжкий грех. И Всевышний не преминул мне об этом напомнить. Однако, делает Он это довольно своеобразно: лишает меня чувства опасности. Не навсегда, а так, на минуточку. Но и её хватает на то, чтобы кто-то сумел незаметно подобраться ко мне со спины. Я даже не успеваю ничего не почувствовать, настолько быстро теряю сознание. Боль, раскалывающая голову где-то за правым ухом, приходит позже. И то, только тогда, когда я немного очухался.

Очухался-то очухался, однако, глаза открывать не спешу. Потому что те, кто меня загалсил, всё ещё остаются рядом. Чья-то рука зажимает мой рот, а ещё две торопливо обшаривают карманы. Первая мысль, которая приходит в раскалывающуюся от боли голову, что господин Плиев, очень скоро пожалел о своём прощальном жесте. И послал своих людей с целью освободить мои карманы от конверта с гонораром. В таком случае, мне стоит расслабиться и не дёргаться: у адыгейца серьёзная команда. И мне, полуоглушённому, с ними точно не сладить. Однако голос, почти детский, раздавшийся рядом с ухом, не оставляет от этой версии камня на камне:

– Б...ь, ничего нет!

– Ты хорошо посмотрел? – спрашивает второй ломающимся баском. – А в заднем кармане или в носках?

– Я же сказал: ничего. Может, в машине конверт оставил?

Ну, так и есть: за моими деньгами пожаловали. Правда, у меня есть дурная привычка всё, что ни попадя, выкладывать из карманов в бардачок, чтобы не мешалось. И ещё одна привычка, которую дурной назвать, язык не повернётся: я всегда наказываю тех, кто пытается навредить мне, либо моим близким. И до сих пор это у меня выходило очень неплохо. Сегодняшние налётчики – явные пацаны. Поэтому калечить их не стоит, но урок дать просто необходимо.

Дождавшись, когда ребята задумались, я испускаю негромкий стон. Тотчас же один из грабителей, обладатель хриплого баска, наклоняется ко мне и зло произносит:

– Где бабки, сука? Говори! А то ещё раз по балде выпишу.

Я приоткрываю один глаз. Пацан совсем зелёный и неопытный. Ну, где же это видано, чтобы заводить разговор с жертвой, а руки-ноги не связать? Здоровых мужиков грабить, это не семечки на базаре тырить. Мне даже смешно становится. Но смеяться я погодил. Вместо смеха я прихватываю сопляка за грудки, и впечатываю свой лоб прямо туда, где до этой секунды был нос несостоявшегося грабителя. Хлопчик и почувствовать ничего не успевает: отрубается моментально. Боль к нему придёт потом, совсем как ко мне после их удара. Но будет куда как серьёзней. Впрочем, мне совершенно не жалко этого маленького крысёныша.

Его сообщник даже не пытается убежать, настолько он ошарашен мгновенным изменением ситуации. Я просто протягиваю руку и ухватываю его за штанину. Пацан дёргается, но

плотная джинсовая ткань крепко зажата в моём кулаке. Не дожидаясь, пока он дёрнется ещё раз, я вскакиваю, и перехватываю пацана за ворот рубашки:

– Стоять! Кто такой?

– Колян.

– Кто вас послал? Аскер? – спрашиваю я, сильно встряхнув пацана за плечо.

– Дяденька, только не бейте, – испуганно голосит он. – Дяденька!

– Вас послал Аскер? – повторяю я вопрос, поднося сжатый кулак к его носу. Но этот жест только вводит мальчишку в ступор. Он молчит, потом, сообразив, что от него ожидают ответа, бормочет:

– Дяденька, я не знаю никакого Аскера, – он чуть не плачет. – Только не бейте, я всё расскажу.

– Ну, что ж, такой энтузиазм мне нравится, – покладисто отвечаю я. – Говори.

– Это Димон придумал конверт у вас забрать, – шмыгая носом, произносит пацан. – Ну, с деньгами который.

– Какой ещё Димон? – не понимаю я.

– Вот, – кивает пацан на лежащего рядом друга. – Он сказал, что это не опасно. Просто дадим по голове палкой и отберём деньги.

– А откуда вы узнали, что конверт с деньгами? – интересуюсь я.

– Так я же говорю: Димон всё придумал. Мы с биноклем из заброшенного дома, что напротив ресторана за посетителями следили. И когда он, – пацан снова шмыгает носом и кивает на начинающего подавать признаки жизни друга, – ну, это, сказал, что у вас полным-полно денег. Мы за вами и пошли.

– А кто меня по голове отоварил?

– Да он же и отоварил, – пацан кивает на Димона, – в смысле – ударил.

– Где живёшь?

– Да вон, в пятиэтажке напротив, – машет рукой пацан и снова голосит: – Дяденька, извините, мы больше не будем, только не бейте.

– Кто тут детей обижает? – внезапно раздаётся неподалёку знакомый голос. Голос принадлежит моему соседу Филе Пшеничникову.

– Эти детки сами кого хочешь обидят, – отозываюсь я и добавляю: – Привет.

– А, это ты, – признаёт меня сосед. – Привет. Что тут у вас происходит?

Я вкратце рассказываю ему, что случилось, от чего Филя даже расстраивается:

– Блин! Ну, ничего святого у молодёжи не осталось. Мы с тобой в их возрасте металлолом собирали, макулатуру, были, так сказать, пионэры. А эти... И что делать с ними будем?

– Да ничего не будем, – отвечаю я. – Самый главный закопёрщик своё уже получил. Теперь ему долго не захочется лёгких денег. А этот... – я гляжу на своего осведомителя, – этот и вовсе, надеюсь, на всю жизнь от таких опытов зарёкся. – Я смотрю на пацана, и, чтобы удостовериться спрашиваю: – Так ведь?

– Так дяденька, так! – ещё не веря в то, что так легко отделался, причитает он. – Больше никогда!

– Ладно, хватит тут хвостом бить, – усмехаюсь я. И добавляю, но уже назидательно: – Своему Димону, когда оклемается, скажи: если узнаю, что в нашем районе что-то подобное случилось, сразу поймаю и яйца оторву. Потому что буду знать, где искать. Понял?

– Понял, дяденька, скажу...

– Дяденька, – передразнивает его Филя, и поворачивается ко мне: – Если с ними всё, пойдём, что ли? У меня к тебе разговор есть. Я всё равно хотел с тобой сегодня посоветоваться. Думал, позвоню. У моего приятеля серьёзные неприятности. Прямо-таки смертельные. Не уделишь часок?

– Ой, Филя, мне сейчас не до советов после налёта этих юных варваров, – отвечаю я, направляясь к подъезду. – Башка прямо раскалывается. Но если невмоготу – заходи, поговорим.

– Башку твою мигом вылечим, – обрадовался сосед. – Только скажи, ты по-прежнему к холодной водочке уважение имеешь?

Алина

Я думала, что больше уже не выдержу. Эти девчонки затрахали меня почти до потери пульса. Не успевала я отказаться от одной пары, как они предлагали мне следующую. Ну, чистый садизм! Причём, по сложившейся у них здесь традиции (а может, продавщицы действительно были склонны к садизму?), сначала демонстрировали новую пару со всех сторон, вовсю расхваливая её линии, формы, и другие достоинства, уверяя, что, выбрав её, я буду испытывать просто-таки неземное блаженство.

Чтобы не выглядеть совсем уж полной деревней, я протягивала руку, ощупывала их со всех сторон, заглядывая в носы и ощущая кончиками пальцев прохладную матовость их кожи. И лишь после того, как я всё общупаю и обсмотрю, девчонки одновременно приседали на корточки и надевали мне босоножки сразу на обе ноги.

Я уж не раз пожалела, что зашла в этот бутик, но сил на то, чтобы искать какой-нибудь ещё, у меня уже не было. А всё – Люська поганка. Ну, не может она без того, чтобы не нагрузить человека проблемами. Уже все наши с ней общие знакомые, едва она открывает рот, судорожно начинают придумывать себе всякие срочные дела и серьёзные причины для отказа, от её нового предложения. А я, как последняя дура, всегда попадаюсь. Ну, что бы мне было не отказаться, когда она предложила этот "эксклюзивный тур в Италию по сниженным ценам"?

Так нет! Послушала часок подружкино нытьё про то, как трудно одинокой девушке путешествовать по Италии, и согласилась составить ей компанию. Теперь скажите, не дура ли? Зачем мне это было нужно, сама не знаю. Но, что сделано, то сделано: согласие моё она получила и немедленно принялась мной помывать.

Для начала полжизни потеряли в итальянском посольстве. Я думаю, мы так никогда и не увидели бы вожделенной шенгенской визы в наших паспортах, если бы не моя подруга. Уж не знаю, кого она там подпрягла и где, сколько народу прокляло нас через наши фото в загранпаспортах, но только, в конце концов, вопрос с визами был улажен. Следующим этапом моего добровольно-принудительного рабства на эту зануду стало хождение по бутикам.

– Ты что же это себе думаешь, – отчитывала меня Люська. – В джинсиках своих линиях к итальянцам заявиться? Меня хочешь опозорить? Ну, нет! Не будет такого, чтобы две девушки в самом расцвете своих юных лет, не страшные собой, предстали перед акулами капитализма, как последние нищенки! Немедленно обновляй гардероб. И смотри: чтобы никакой дешёвки!

Ну, тут, конечно, она была не совсем права. Джинсики мои, линиялые от Джанфранко Ферре, как авиабилет первого класса до Рима стоят. Насчёт девушек Люська положим, тоже того, малость загнула. Поменяв трёх мужей, с каждым из которых она прожила максимум по году, ну, какая теперь из неё девушка? Да и я уж никак не отвечаю этому определению. Хоть и не разводилась ни разу, но мужа-то имею! Ну и что из того, что сейчас мы врозь живём. Всё одно – получается, что и я далеко не девушка.

Про акул капитализма и нищенок тоже явный перебор. Акулы капитализма по нынешним временам больше в наших, российских финансовых морях рыщут. Тут им режим наибольшего благоприятствования обеспечен. Другими акулами. Из тех, что в правительстве сидят. Кстати, последний Люськин мужик, с которым она месяц как развелась, как раз из местного акульего племени будет. И у меня, слава Богу, с финансами также полный порядок. Несмотря на полный беспорядок в личной жизни. Но об этом потом.

А, самое главное: чего это она суетится со шмотками и внешним видом? Если уж Люська так беспокоится насчёт приставаний к ней (ну, или к нам) каких-нибудь корсиканских пастухов или римских жиголо, логичней было бы как раз в джинсиках и ехать. Попробовала я ей об этом сказать, но где там! Мою подругу ещё никому не удавалось переубедить.

И теперь из-за неё, в такой невыносимый зной, когда даже асфальт плавится под ногами я, как последняя идиотка, должна таскаться из бутика в бутик в поисках подходящей обуви. Хорошо, хоть одежду для путешествия я приобрела ещё пару дней назад. Кстати, интересно, из чего его делают? В смысле – асфальт? Они что, не рассчитывают на июльскую московскую жару?

Нет, решено: это будет последний магазин. Если и здесь не найду для себя что-нибудь подходящее, плюну на всё и поеду в Италию в моих любимых матерчатых тапках. Однако же, видно судьбе было угодно, чтобы я примерила ещё одну пару. Босоножки, которые, наконец, принесли девчонки-продавщицы, и в самом деле были небывало хороши.

И фасон, и цвет, и, что самое главное – колодка. Они так удобно сидели на ноге, что даже не хотелось снимать. Вот только каблуки были несколько высоковаты и слишком тонки. А при моём росте в метр семьдесят семь, это весьма ощутимый недостаток. Тем более, как говорят знающие люди, итальянцы не слишком рослые. Так что в этих босоножках я, пожалуй, буду возвышаться над кавалером на целую голову.

Стоп, стоп, стоп! О чём это я? Уже про романчик подумываю. А не рановато ли будет? Решено: беру. Может, буду отпугивать потенциальных претендентов своим ростом?

Фу, кажется всё, пытка окончилась. Девчонки прокатали мою кредитку, сложили босоножки в коробку и сунули в пакет. Очень не хотелось выходить из прохлады бутика на знойную улицу, но я и без того провела здесь лишних полчаса. Так, глядишь, и на шейпинг опоздаю. А ведь нужно ещё и мороженым где-то полакомиться. Летом я совершенно не могу без него обойтись.

Довольная тем, что не напрасно терпела пытки продавщиц, я вышла из магазинчика и направилась к проезжей части: авось повезёт, и я сумею быстро поймать такси? Хотя в этот час, да ещё на Садовом кольце, найти какой-либо подходящий транспорт было проблематично.

Однако, не успела я подойти к краю тротуара и поднять руку, как возле меня притормозила машина. Но, не такси. Это был обычный с виду, потрёпанный и запылённый "жигуль" с тонированными по последней моде стёклами. Из тех, хозяева которых не прочь подработать на частном извозе.

Но я-то себя не на помойке нашла. И садиться в такую машину считала ниже своего достоинства. Поэтому царственным жестом дала понять водиле, что он может ехать прочь. Впрочем, тот почему-то отъезжать не спешил. Вместо этого он наклонился к правой дверце, приоткрыл её и что-то сказал в образовавшуюся щель. Из-за шума машин, проносившихся мимо нас на бешеной скорости, я не расслышала толком его слов, и поэтому нагнулась, отворяя дверцу пошире:

– Простите, что вы сказали?

– Он сказал, чтобы ты, сучка позорная, немедленно лезла в машину. Или я тебе мозги вышибу, – раздался голос с заднего сиденья.

Я скосила глаза влево, но лица говорившего не рассмотрела. Потому что всё моё внимание теперь было сосредоточено на огромном пистолете, неправдоподобно большое дуло которого смотрело мне прямо в переносицу. А может быть, мне так показалось со страху? Ведь мне никогда прежде не целились прямо в лицо. Что ни говори, а особой храбростью я никогда не отличалась. И поэтому, вместо того, чтобы захлопнуть дверцу или, на худой конец, закричать "Караул!!!", я покорно, как сомнамбула, села на переднее сиденье. Того, что случилось дальше, я не помню. Потому что вокруг вдруг наступила полная тишина, и мир в моих глазах разом померк.

Олег

Хеленка сладко потянулась своим разгорячённым телом, чмокнула меня куда-то в плечо и, выскользнув из-под простыни, пошлёпала в ванную. Её аппетитная смуглая попка чуть подрагивала при каждом шаге, придавая ладненькой, точёной фигурке ещё большую пикантность.

Да, девочка она классная, как раз то, что надо! Всё при ней: и ножки, и попка, и грудки, и личико миленькое, и, что самое главное – характер покладистый. Пожалуй, только один недостаток присущ Хеленке: патологическая ненасытность в любви.

Ну, этот-то недостаток кое-кто может, конечно, принять и за достоинство. Но уж наверняка не я. Потому что после недельного знакомства с Хеленкой я выжат, как лимон. Те испытания, которым она подвергает меня при каждой встрече, доводят меня не просто до дрожи в коленках, но до полного изнеможения. Вот и сейчас, как ни в чём ни бывало, она побежала принять душ, а я могу только пластом лежать в кровати и смотреть ей вслед, не в силах пошевелить даже пальцем.

В такие минуты я уже начинал сомневаться: так ли уж мне повезло, что я встретил Хеленку тем вечером в ресторанчике “У Вотрубы”. Я как раз зашёл туда с желанием пропустить рюмочку “Бехеровки” (*сорт чешского ликёра) перед сном. И искал местечко поуютнее.

Неожиданно мой взгляд наткнулся в полумраке на одиноко сидящую за столиком девочку фигурку. Получив царственный кивок в ответ на вопросительный взгляд, я присел за столик, бережно водрузил на свободное место свой кофр с аппаратурой и, дожидаясь официанта, более внимательно осмотрел свою соседку.

Миленькое личико, светлая чёлка, спадающая на глаза, тонкие изящные руки, маленькие, круглые очки на вздёрнутом носике, словом – вполне заурядная, в меру привлекательная внешность. Вот только надпись на майке сразу же ставила её особняком от остальных посетителей бара.

Вообще-то мой чешский весьма далёк не то что от совершенства, но и от очень посредственного им владения. Поэтому смысл фразы, выведенной белыми буквами на чёрном фоне, не сразу дошёл до моего сознания. А когда дошёл, я смог только глубокомысленно хмыкнуть.

“Ещё одно лишнее движение и ты – отец”, вот что было написано на её майке. Соседка подняла на меня своё личико, блеснули из-под чёлки лукавые глаза, и разразилась какой-то тирадой по-чешски. Естественно, я ни фи́га не понял, о чём не преминул уведомить мою визави на ломаном чешском.

– Так пан не чех, – на довольно правильном русском констатировала девушка. – Я спросила, не хочет ли пан рискнуть? Но пусть пан не волнуется: это была просто шутка.

А через двадцать минут мы с Хеленкой стали закадычными друзьями. По крайней мере, мне так показалось после пяти рюмок “Бехеровки”. И не удивительно, что, пропустив ещё пару, я уже был готов рискнуть. О чём тут же поставил в известность свою новую подругу. К моему великому удивлению, Хелена, услышав об этом, не стала поносить меня бранными чешскими словами. Хотя на проститутку совершенно не походила.

Напротив, она деловито посоветовала мне заканчивать с выпивкой и сразу направляться в номер. Потому что в десять она должна бежать к Франте и нужно поторапливаться, если я хочу успеть. Без ложной скромности замечу, что успели мы как раз вовремя.

Ещё не подозревая, в какую пытку это может вылиться, я предложил Хеленке встретиться на следующий вечер. А уж потом она меня и не спрашивала. Просто приходила в мой номер и требовала взаимности. И вот, совсем, как в предыдущие разы, она как ни в чём ни бывало побежала в душ, а я лежу, будто детский шарик, из которого выпустили воздух и еле перевожу дух.

Как однажды гениально выразился мой друг Феликс, “За что я люблю групповой секс, так это именно потому, что там можно сачкануть”. С Хеленкой сачковать не получалось. Я подозреваю, что она собирается продолжать свои попытки сексом до тех пор, пока я не уеду в Москву. Хорошо, до отъезда у меня осталось всего три дня. Иначе наша редакция вполне может потерять очень ценного сотрудника.

Хеленка выпорхнула из ванной и босыми ногами прошлёпала к креслу, на котором были разбросаны её вещи. Стоя ко мне лицом и совершенно не стесняясь своей наготы, она проворно оделась, мельком глянула в зеркало, приводя себя в порядок и, поцеловав меня на прощанье в живот, покинула номер. Только после её ухода я через силу заставил себя встать и направился под душ.

Однако, это мне нисколько не помогло. Я по-прежнему чувствовал страшную усталость во всём теле. О том, чтобы идти куда-нибудь вечером не могло быть и речи. Даже спуститься в гостиничный ресторан не было никакого желания. Поэтому, проверив содержимое минибара и рассудив, что его запасов вполне хватит на сегодняшний вечер, я принял разумное решение остаться в номере. Тем более, что у меня на сегодня уже было припасено довольно интересное, и совершенно необременительное занятие.

Подтащив к окну кресло, я взялся потрошить кофр с аппаратурой. Первым делом извлёк оттуда небольшой ноутбук и установил его на столике рядом с креслом. Следующим на очереди был мой “Олимпус”. Установив на нём мощный телеобъектив, я приладил фотокамеру к портативному штативу, и водрузил его на подоконник. Покопавшись среди принадлежностей, выудил из недр кофра кабель с нужными разъёмами и соединил камеру с ноутбуком. Теперь я был полностью готов к охоте.

Вы только не подумайте, будто я какой-нибудь там папарацци, который только и знает, что охотится за интимной жизнью знаменитостей и всяких прочих звёзд эстрады. Нет, я занимаюсь этим безо всякой корысти: просто так, из спортивного интереса. Я же не виноват, что меня, как последнего маньяка, просто-таки тянет к моему оборудованию.

Подозреваю, что каждый без исключения мужчина до самой смерти в глубине души остаётся ребёнком и беззаветно отдаётся своим игрушкам. Только у одних это рыболовные принадлежности, у других рассада помидорная, третьи без ума от своих дорогущих мотоциклов “Харлей-Дэвидсон”, четвёртые дня прожить без баб не могут.

Моё же сердце всецело отдано цифровому фото, и я посвящаю ему двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю и так далее, по нарастающей... Всё свободное время, а зачастую и деньги я трачу на изучение новых возможностей этого поистине революционного направления. Не стоит и говорить, что моя коллекция принадлежностей для цифровой съёмки растёт, как грибы после дождя. Я просто не в силах пройти мимо очередной новинки в каком-нибудь магазине фототоваров.

А потом могу часами самозабвенно перебирать своё богатство, примеряя к камере то новый фильтр, то флэшкарту необычайно большой ёмкости. Или снимаю всё, на что упадёт глаз. А потом, дабы не загружать память своего ноутбука, отправляю самые удачные кадры на собственный сайт в интернете. Правда, пока на нём бывает всего один посетитель – я. Но в один прекрасный день, когда всё там будет готово, я устрою обалденный показ и, может быть, даже стану знаменитым.

Ну, а сейчас, устроившись в кресле с бутылочкой пива в одной руке и с длинной ручкой штатива в другой, я чувствовал полный комфорт, и какое-то внутреннее согласие. И уж конечно не собирался менять это занятие ни на какое другое.

Мощный телеобъектив, еле слышно жужжа трансфокатором, повинуюсь движению моей руки, методично исследовал окна противоположного крыла гостиницы. Несмотря на довольно

значительное расстояние, изображение на экране ноутбука получалось отменным. Какие-то окна были уже освещены, однако в большинстве номеров свет ещё не горел.

Вот на экране появилось изображение номера, в котором супружеская пара сидя на диване смотрела телевизор. Женщина что-то задумчиво жевала, уставясь в экран, её муж то и дело прикладывался к бутылке с пивом. В том, что у мелькнувшей на экране пары солидный стаж супружеской жизни сомнений не было: ну кто ещё смотрит вечером телек, да к тому же в номере гостиницы?

В окне следующего номера я увидел четырёх солидных мужчин, играющих в карты. Приличное увеличение позволяло буквально ощутить весь накал страстей, бушующих за столом. Пиджаки игроков были повешены на спинки стульев, узлы галстуков распущены, рукава рубашек закатаны. По их внешнему виду и тому количеству дыма, который застилал пространство номера, можно было предположить, что игра ведётся уже не первый час. Да, пожалуй, что и не второй. Щёлкнув игроков для проформы пару раз, я продолжил свои исследования.

Этажом ниже игроков я наткнулся на семью с ребёнком. Мать семейства сидя за столом самозабвенно подпиливала ногти. Её супруг сидел на пуфике у кровати, где засыпал малыш и что-то читал ему перед сном. Приблизив изображение до максимума я прочёл надпись на обложке. Конечно же, это был “Гарри Поттер”. Чем ещё в наше время можно заинтересовать никак не засыпающее чадо? Ещё в трёх окнах, где горел свет, никого не было. Зато потом меня посетила настоящая удача.

Молодая женщина лет тридцати готовилась ко сну. Когда на экране ноутбука показалась полуобнажённая женская фигура, я невольно затаил дыхание. Как будто кто-то посторонний мог застать меня за недостойным занятием. Женщина была занята расчёсыванием своих длинных волос, струившихся тёмным водопадом между лопатками по спине и доходивших до двух пикантных ямочек на пояснице. И поэтому она никак не могла меня видеть. Для этого, по меньшей мере, нужно хотя бы выглянуть в окно.

Натура была настолько хороша собой, что я, наплевав на все правила приличий, приподнялся из кресла, дотянулся до камеры и начал снимать. Затвор защёлкал со скоростью четырёх кадров в секунду. Если бы “Олимпус” не был соединён с ноутбуком, памяти у него хватило не больше, чем на четверть минуты.

Но всё хорошее когда-нибудь кончается. Раньше или позже. Закончилось и это увлекательное шоу. Перестав возиться с волосами, нимфа положила расчёску на туалетный столик, поднялась и направилась к кровати. Всего на пару секунд мелькнула сочная женская грудь с набухшим розоватым соском, и почти сразу же скрылась под простыней. Рука протянулась к выключателю и свет в номере погас. Праздник завершился, можно двигаться дальше.

Ещё минут пять наблюдений за окнами ничего интересного не принесли и я даже начал подумывать, а не оставить ли мне это занятие. Однако постояльцы очередного номера вдруг привлекли моё внимание. Какая-то шершавинка была в этой картинке. Я поневоле задержал объектив на изображении, пытаюсь понять, что же меня насторожило.

На первый взгляд там не было ничего необычного. Четверо мужчин, двое из которых сидели за столом друг перед другом, о чём-то беседовали. Но уж больно напряжёнными выглядели их лица. Что-то неестественное было и в фигурах каждого из стоящих позади них молодых людей. То ли помощников, то ли телохранителей.

Я приподнялся с кресла и, дотянувшись до камеры, на всякий случай щёлкнул затвором. Даже не знаю, зачем я это сделал. Затем, откинувшись в кресле, отхлебнул пива и приготовился наблюдать за происходящим.

Мужчины за столом поговорили ещё недолго и, наконец, пришли к какому-то решению. Потому что один из них, пожилой, с холёным лицом и густой гривой совершенно седых волос, сказал что-то через плечо стоящему за его спиной молодому человеку. Тот, немедленно вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенный четверо листок бумаги и протянул патрону.

Седовласый расправил листок и, поднеся к глазам очки, начал читать вслух. Сидящий напротив него человек кавказской, как мне показалось, наружности, внимательно вслушивался в каждое слово. Наконец седовласый окончил чтение и вопросительно посмотрел на кавказца. Когда тот утвердительно кивнул, седовласый взял протянутую помощником ручку и, придерживая листок одной рукой, расписался в самом низу страницы.

Кавказец сделал едва заметный жест рукой и тотчас же в ней оказался поднятый помощником с пола дипломат. Поставив его на колени, кавказец щёлкнул замками и водрузил открытый чемоданчик на стол, развернув его в сторону седовласого. Тот небрежно приоткрыл крышку и пальцем свободной руки прошёлся по плотно уложенным внутри пачкам денег.

Не стоит и говорить, что мой “Олимпус” защёлкал, словно кинокамера. Я выжимал из него максимум возможного. К чёрту ракурс и композицию кадра! Всё это можно будет подправить потом, на ноутбуке, когда будет время. Сейчас самое главное снять то, что эти четверо стремились скрыть от посторонних глаз. Иначе не стали бы делать это глубокой ночью в гостиничном номере.

В азарте я начисто забыл об осторожности и, уже не скрываясь, маячил возле аппарата. На жёсткий диск ноутбука отправились и момент подписания бумаги, и раскрытый чемодан с деньгами, и финальное рукопожатие дельцов.

Уже потом, когда подписанные бумаги оказались в руках кавказца, а чемоданёик с деньгами переключал к помощнику седовласого, атмосфера в номере немного разрядилась. Кавказец закурил сигарету, выпустил густую струю дыма и откинулся, было, на спинку стула. Но, заметив что седовласый вдруг закашлялся, он встал из-за стола и прошёл к окну, выпуская дым наружу.

Это была отличная возможность сделать просто-таки портретный снимок и я не преминул ей воспользоваться. Однако, в тот самый момент, когда я в очередной раз нажал на кнопку затвора, взгляд кавказца вдруг переместился на окно моего номера. Это произошло так неожиданно, что я даже не успел пригнуться за подоконник. И хотя до моего окна было не менее тридцати метров, он прекрасно рассмотрел и меня и мощный телеобъектив моего “Олимпуса”.

Прятаться уже не имело смысла, да честно сказать, я об этом даже и не подумал. Скорее, в это время я ощущал себя, как застигнутый за мастурбацией подросток. Поэтому я по инерции сделал ещё пять или шесть снимков и лишь потом убрал палец с кнопки затвора. Теперь предстояло как можно быстрее убраться из номера. Потому что последние снимки запечатлели по порядку примерно следующее:

Сначала взгляд кавказца, направленный прямо в объектив. Следом снова его глаза, которые блеснули недобрым огнём. Мужчина бросил через плечо какую-то фразу, обращённую, видимо, к седовласому. Тот мгновенно поднялся из-за стола и, подойдя к окну, посмотрел в направлении руки кавказца, вытянутой в сторону моего окна. Заметив меня в окне напротив, седовласый отрицательно покачал головой и что-то сказал кавказцу.

Получив отрицательный ответ, кавказец кликнул к окну своего нукера и повелительно махнул рукой в мою сторону. Что уж он ему приказал, я могу только подозревать, но и нукер, и помощник седовласого вдруг сорвались с места и выбежали из номера. Ничего хорошего для меня это не предвещало.

По меньшей мере, мне грозила потеря аппаратуры и приличная трёпка. А значит, ещё и нагоняй в Москве за утраченное редакционное имущество. Теперь, надеюсь, вам понятна та спешка, с которой я побросал в кофр свои причиндалы и опрометью бросился вон из номера?

Выскочив в коридор, я побежал в сторону лестницы. Пока преследователи сообразят, в каком я номере, да на каком этаже, мне удастся оторваться хотя бы на немного. В запасе у меня были буквально секунды. Постучаться в чей-нибудь номер мне просто не пришло в голову. Да если б и пришло, вряд ли кто-то открыл дверь в ответ на мои воззвания о помощи. Поэтому рассчитывать приходилось исключительно на свои силы. Я вихрем пронёсся по ступенькам и

выбежал в холл, сопровождаемый грохотом вазонов с цветами, опрокинутых раздутым кофром.

Не привыкший к подобным выходкам постояльцев портье лишь удивлённо приподнял брови, увидев меня, прыгающего сразу через четыре ступеньки. В холле я притормозил и сделал вид, будто просто куда-то опаздываю. Но, тем не менее, проскочил его широкой рысью. Уже подбегая к двери, я услышал торопливые шаги нескольких человек, сбегających вниз по лестнице. Тяжёлая гостиничная дверь ещё не успела закрыться за мной, когда крик: “Стой, паскуда!”, разнёсся по всему вестибюлю.

Мало того, что попал в неприятную ситуацию, так, оказывается, ещё и с нашими бандюками. Вот уж поистине, рыбацкое счастье. Так “повезти” могло только мне: за тридевять земель от дома, в тихой, ничем не примечательной гостиничке стать свидетелем непонятной сделки опасных земляков. А в том, что они действительно крайне опасны, я уверился сразу же, как только первый из них выскочил вслед за мной на улицу:

– Стой, тварь, кому велено, застрелю! – закричал амбалистого вида парень, выскакивая из дверей гостиницы.

Странно, в номере, где проходила сделка, я его не заметил. Не иначе, они имели охрану ещё и снаружи. Значит, действительно серьёзные, и уж наверняка крайне опасные люди. Потому что просто опасным оружием ни к чему. А у этих оно было. Я убедился в этом уже через секунду, когда вслед за негромким “пок-пок” далеко за спиной, вдруг раздалось “вжик” над ухом и “дзиннь” немного впереди. Витринное стекло булочной, мимо которой я как раз пробегал в этот момент, разлетелось вдребезги, обрызгав осколками аж брусчатку мостовой.

Семирядный

Солнце уже всюду подбиралось к зениту и его беспощадно палящие лучи всё активнее захватывали последние тенистые уголки на берегу пруда. Жара наваливалась с неотвратимостью курьерского поезда. Пропали ласточки, с самого утра охотившиеся за мошками в небе над прудом. Даже стрекозы, ещё полчаса назад стремительно рассекавшие воздух у самой поверхности воды, куда-то попрятались.

Всё живое стремилось укрыться от наступающего зноя. Глубокая тишина повисла над гладью пруда. Лишь изредка, со стороны камышовых зарослей доносилось протяжное ква-а-а сомлевшей от жары лягушки.

Однако, на двоих рыболовов, лениво развалившихся с удочками на травке у самой воды, подступающее пекло не производило, казалось, никакого впечатления. Они не стремились укрыться от жары в доме, громада которого угадывались за рощицей. Время от времени рука то одного, то другого из них ныряла в небольшой короб, заполненный колотым льдом, среди которого потели влажными боками бутылки с холодным пивом.

Со стороны дома горячий ветер доносил лишь звонкий детский гомон, да тянуло запахом шашлыка и пряной салатной зелени. Внезапно благостную тишину нарушила трель мобилника, нёсшаяся откуда-то из травы. Один из рыболовов, мужчина далеко за пятьдесят, обстоятельно приладил в траве опорожненную примерно на треть пивную бутылку и потянулся за телефоном.

– Семирядный слушает, – по-совковому именуя себя в третьем лице, пробурчал он в трубку и надолго замолчал. По мере поступления новостей, лицо мужчины оставалось совершенно бесстрастным. Только редкие реплики, произносимые вполголоса, позволяли угадывать примерное направление разговора.

– Так..., хорошо..., уже хорошо. А вот это хуже некуда... Ну, не мне тебя учить, к кому обратиться. Мы и без того большие деньги платим за прикрытие. Вот, пусть они и побеспокоятся... Хорошо, когда всё выяснишь, перезвони.

И только дав отбой, мужчина дал волю своим чувствам:

– Б...ь, ну, ничего нельзя поручить! Казалось, уже лучше спецов не найти, ан, нет! Это же умудриться нужно! Уже всё им разжевал и по полочкам разложил, уже все ходы на десять шагов вперёд просчитал, и так обосраться!

– Успокойся, Семён, – попробовал охладить пыл приятеля второй мужчина. Во время разговора по телефону он изо всех сил старался сохранять индифферентное лицо, делая вид, что это его совершенно не интересует. Однако, это был только вид. На самом деле, информация, полученная Семирядным, должна была расставить многие точки над “i”. – Расскажи спокойно, что случилось? Почему такой шум?

– Как можно быть спокойным, когда одни мудаки кругом? – продолжал горячиться Семирядный. Но, поняв, что собеседник не слышал всего разговора и потому не “догоняет”, пояснил уже спокойнее: – Представляешь, этот недоделанный борец против еврейского засилья, Калёб, засветился на передаче денег.

– Как!? – настал черёд встревожиться собеседнику. – Ты же уверял, что всё продумал и организовал с соблюдением всех норм секретности.

– Я и организовал. С моей стороны любые утечки исключены. Калёбу светиться на этом этапе тоже ни к чему. Он, пока товар не получит, вообще невидимкой старается быть. Потом, когда силу в руки получит – его дело, нас это не касается. А сейчас – тишина полнейшая.

– Так, может быть, Мазенко хвоста привёл?

– Я же говорю: исключено, – упорствовал Семирядный. – Он вполне официально по рекомендации врачей выехал в Карловы Вары на лечение. К нему никаких вопросов быть не должно. Не советское, всё же время. Я бы ещё понял, если бы он светанулся, имея деньги при себе. Так нет, именно передача аванса была зафиксирована.

– Может быть, Калёб боится? На случай, если аванс не отработаем?

– Нет, не похоже... Видишь там как получилось: он сам фотографа засёк и первым тревогу поднял. Поэтому Калёб, как возмутитель спокойствия отпадает.

– Мужчины! – донёсся от дома женский голос. – Заканчивайте посиделки, обедать пора.

– Ты бы знал, как она меня достаёт! Только что серьёзное нужно обсудить, как сразу Клава со своим обедом, – недовольно проговорил Семирядный, аккуратно укладывая на траву опустевшую бутылку. – Ладно, пойдём, Борис Моисеевич, к дому. Иначе все печёнки проест. А потом уж подумаем спокойно, что предпринять.

После обеда мужчины уединились в садовой беседке, стоящей у самой опушки берёзовой рощицы. Молодые деревья не давали густой тени, однако, лёгкий ветерок, то и дело шелестевший по опушке, создавал хотя бы некое подобие прохлады.

Ведёрко со льдом, несколько бутылок с пивом, пара высоких стаканов, да пепельница, вот и всё, что поместилось на небольшом столике, окружённом тремя плетёными садовыми креслами.

Тучное тело Семёна Михайловича с трудом вместились в кресло, жалобно скрипнувшее под тяжким грузом. Потянувшись к столу, он влез своими коротенькими, толстыми, как сардельки пальцами в ведёрко и бросил в стакан несколько кубиков льда. Потом, подвинув ведёрко гостю, сделал приглашающий жест.

“Слава Богу, что не люблю бросать лёд в пиво. Он, небось, и руки-то толком не вымыл”, – подумал про себя Борис Моисеевич, однако вслух, протянув руку за бутылкой, произнёс: – Спасибо, Семён, у меня и безо льда что-то в горле першит. Я, уж, лучше так.

– Ну, смотри сам, – проговорил Семирядный и, отпив из стакана, надолго задумался.

Новости, которых он ждал с таким нетерпением с самого утра, вместо удовлетворения принесли одно расстройство. План, который он так долго выстраивал, словно гроссмейстер шахматную партию, грозил рассыпаться в прах из-за прокола каких-то пешек. А ведь какой

был план. Конфетка, а не план! Изящный в своей гениальности и настолько простой, что даже странно, почему никто не воспользовался этой идеей до него.

С момента развала Советского Союза для всех, кто, так или иначе, был близок к власти, предрержавшим, открылись просто золотые россыпи. И совершенно неважно, отдавали ли те россыпи запахом нефти или газа, рассыпались ли зерном, подпирали ли небо шпилями высотных зданий, или блестели корпусами кораблей и самолётов, главное, что всё это было народным. А значит, ничьим.

И не пользовался этим обстоятельством в то время или полный дебил, или законченный лентяй. Но таковых, среди власти предрержавших нет по определению. Вот и тащили каждый в свою сторону всё, что могли. А кто тащить не мог, придумывал новые схемы обогащения и за отдельную долю продавал тем, кто был у руля.

Семён Михайлович в ту пору служил в Министерстве среднего и специального машиностроения. Том самом, которое на российскую оборонку пашет. Не министром, и даже не замом. Но всё же и не самым последним человеком. С персональным кабинетом и даже секретаршей. И даже кое-какая власть была в то время у господина Семирядного.

Однако, когда всё стало рушиться, когда началась приватизация всего и вся, оказалось, что иметь власть, это ещё не всё. Ведь нельзя же было, даже имея кабинет и секретаршу, приватизировать завод по производству, к примеру, бэтэеров. Или систем залпового огня. Не было в то, даже такое отчаянное время, политической воли для подобной приватизации.

Зато, используя своё положение и обширнейшие связи, можно было, не уходя с должности, заняться собственным бизнесом. И чтобы хоть как-то легализоваться, Семён Михайлович учредил “Благотворительный фонд помощи беженцам из горячих точек”. Взял себе помощником Горного Бориса Моисеевича. Пройдоху из пройдох, известного почти всем российским теневикам. И начал потихоньку очень прибыльный бизнес.

Для начала Фонд выбил из московских банкиров немного денег и отправил гуманитарную помощь воюющему Карабаху. Однако, вместо одеял и гущёнки, люди Семирядного выгрузили из трёх транспортных самолётов, прилетевших в Баку, вооружение для целого пехотного полка. Велико было бы изумление всё тех же банкиров, если бы они узнали, в какую сумму оценил Семён Михайлович эту партию “гуманитарки”.

Но целиком и полностью вставать на сторону иноверцев “гуманитарий” Семирядный готов не был. Интернациональная солидарность, которая незримо присутствует в крови всех советских людей старой закалки, прямо-таки заставила его послать ещё одну партию гуманитарки для Карабаха. Однако, на этот раз самолёты приземлились уже в Армении и с грузом, предназначенным для полного укомплектования артбатареи.

Потом была поставка “калашей” для пуштунов, полевого обмундирования для красных кхмеров, да и много чего ещё. Венцом деятельности Фонда стала отгрузка на Ближний Восток трёх экспериментальных танков Т-95. Во время той сделки и познакомился Семён Михайлович с Калобом.

Однако, новый телефонный звонок вывел Семирядного из раздумий. Ожидавший новых известий хозяин торопливо поднёс трубку к уху. И снова, как и в прошлый раз, его гостю не удалось определить, о чём конкретно шёл разговор. Только дав отбой, Семён Михайлович отпил пива и задумчиво произнёс:

– Всё это по меньшей мере странно... Либо мы, Борис Моисеевич, имеем дело с некой структурой, о которой не знали прежде, либо... – и тут он снова надолго замолчал.

– Может, конкуренты? – подал голос, не выдержавший паузы Горный.

– Что, хохлов имеешь в виду? Да нет, вряд ли. У них с Калобом контактов никаких. Они сейчас больше с моджахедами торгуют. Нет, это кто-то нам пока неизвестный.

– Что значит пока? – не унимался гость. – И как долго это самое “пока” продлится?

– А то и значит, – зло ответил Семирядный. – Пока не удалось установить, что это за папарацци такой шустрый. Отщёлкал, что нужно, и слинял бесследно. Да так лихо, что мы одного из наших бойцов лишились. А это говорит о многом. Как минимум – о его высоком профессионализме.

– А не Папиных ли людей это происки? – осторожно начал собеседник. – Я имею в виду, может он нас уже давно под колпаком держит, а в нужное время...

– Как знать, как знать... – задумался Семирядный. – Может, и Папиных. Ну, это уже у вечера выяснится. Если на ковёр вызовут, значит, точно Папиных.

Значит так: мне сейчас одному побыть нужно, подумать. Ты езжай к себе и вызови Кирилла. Пусть будет в полной готовности. Ждите моего звонка день и ночь. Как что-то выяснится, начнём действовать.

Русаков

С непривычки умирать было страшновато. То есть, страха как такового, естественного, животного страха смерти, не было: я знал, что Господь всемогущий позаботится обо мне с той самой секунды, как прервётся мой земной путь. Но принимать смерть от этого громилы-моджахеда, я не хотел.

Моджахед не был похож на какого-то фанатика-фундаменталиста с поясом шахида вокруг туловища. Которого ничто, кроме слепой ненависти ко всем без исключения неверным не беспокоит. Те точно знают, на что идут и потому никогда не испытывают сомнений в правильности своих действий. Нет, в его глазах плескалась ненависть именно ко мне. Как будто я был тем единственным, который принёс его народу столько горя.

Не буду скрывать, духов я тут положил немало. Правда, особой чести мне это не делает. Но на то она и война, чтобы одни убивали других. Я просто выполнял свою работу. Как делал бы и всякую другую. Потому как солдат – существо подневольное. Единственное, что могло бы пойти мне в оправдание – я никогда не воевал с безоружными.

Но ни о каких оправданиях в эти стремительно несущиеся секунды не могло быть и речи. Кому нужны мои оправдания? Этому громиле? У него всё и без того написано на лице. Ненависть. Это было то единственное, что направляло в этот момент его руку. Сейчас всего одно движение указательного пальца моджахеда отделяет меня от встречи с Господом. И я понимал, что стоит мне лишь пошевелиться, как прогремит выстрел.

Пистолет, зажатый в его огромной лапе с заскорузлыми пальцами, выглядел игрушечным. Но, в то же время – диким. Такой маленький, ручной зверёныш со смертельным взглядом. Ведь стоит только ему совсем легко шевельнуть пальцем, потянув за извилистую лапку, зверёныш рассердится, сверкнёт своим глазом и метнёт в мою сторону маленькую, горячую молнию. И – всё! Всё? Нет, ну этого просто не может быть!

Если бы я мог, то отгрыз бы у этого афганца всю его руку вместе с заскорузлыми пальцами, только бы избежать смерти. Но времени на это Всемогущий мне уже не отпустил. Указательный палец моджахеда с чёрной каймой под неостриженным ногтем, начал своё движение. Вот сейчас зверёныш вздрогнет, сейчас он плюнет в меня своим огнём! Я, лежал перед ним на полу, как замороженный, уставившись в дуло пистолета, и просто ждал, когда в последний раз ударит моё сердце.

Однако, выстрел, который оглушительно прозвучал в замкнутом пространстве глиняной хижины, не причинил мне вреда. Чья-то пуля влетела в правую теменную кость афганца, пробуравила его мозг и, вывалив наружу левый глаз и целую кучу кровавых ошмётков, вонзилась в небеленную стену хижины. Эта пуля уже не оставила ему никаких шансов. Одного взгляда на выходное отверстие раны было достаточно, чтобы понять: в последний раз сердце стукнуло не у меня, а у возвышавшегося надо мной моджахеда.

Я, не двигаясь, наблюдал, как он начал оседать. Медленно, словно огромный, зловонный айсберг. У меня не оставалось никаких сил, чтобы хотя бы отползти в сторону. Казалось, мёртвое тело сейчас раздавит меня своим весом. Однако, чьи-то руки, вцепившись мне в плечо, стали оттащить меня в сторону и знакомый голос прозвучал над ухом, словно райская музыка:

– Андрей, что такое? Очнись, что с тобой?

Я с трудом приоткрываю глаза и, увидев перед собой встревоженное лицо Вовки, облегчённо улыбаюсь:

– Всё в порядке. Блин, приснится же такое...

– Что, за Речкой ночью был?

– Да, думал – кранты мне. А тут, хорошо, ты оказался. Чёрт, как голова болит!

– Слушай, Русаков, – строго выговаривает мне Гаевский, – пятнадцать лет прошло уже, а ты всё об одном и том же сны видишь. Может, таблетки какие попринимал бы. Или женился, а?

– Хватит проповеди читать, психоаналитик хренов, – бурчу я, откидывая простыню и вставая. – Скажи лучше, чего припёрся в такую рань?

– Скажи, ну, не свинья ли ты последняя? – недоумённо смотрит на меня друг. – Мы ведь договаривались, что в одиннадцать ты уже будешь готов.

Мне казалось, что сейчас не больше восьми. Чтобы сообразить, к чему я должен быть готов в одиннадцать, мне определённо нужно время. Так как я тотально не помню ни о каких уговорах. А заставить голову соображать быстрее с утра, я просто не в состоянии. Поэтому, мельком глянув на будильник и убедившись, что Гаевский не врёт, беру короткий тайм-аут:

– погоди, погоди. Не ори, как в жопу раненая рысь, – говорю я, направляясь в ванную. – Сейчас умоюсь, кофейку греснем, и буду готов.

– Сам ты рысь, соня, – доносится сквозь шум льющейся воды Вовкин голос. – И даже хуже: сурок ты. И свинья. Последняя. Я с семи утра на ногах, договариваюсь со всеми, звоню нужным людям, а он, видите ли, дрыхнет. Нет, ты, определённо – свинья.

Я делаю напор сильнее, чтобы хоть на время избавиться себя от Вовкиных причитаний. Тугие, горячие струи с силой бьют в лицо, прогоняя остатки ночного кошмара. Переключаю душ на холодную воду, и только простояв пару минут, сбавляю напор. Способность реагировать на окружающую действительность частично возвращается, и я различаю последние слова из гневного монолога друга:

– ... в конце концов, ты сам согласился, никто тебя не заставлял. И если тебе вдруг стало неинтересно, я могу отказаться от дальнейших шагов. Хотя, думаю, что поздно уже отказываться.

Я делаю очередную попытку понять, о чём он толкует, и это мне почти удаётся. Но только почти. Всё-таки минздрав не зря предупреждает, что чрезмерное употребление алкоголя вредит организму. А вчера с самого вечера и почти до сегодняшнего утра мы с Филей влили в свои многострадальные организмы столько спиртного, что удивительно ещё, как я остался жив. Не знаю, что чувствует сейчас Филя. Хотя, судя по раскалывающей темя и виски боли, жить мне и ему осталось недолго.

– Володь, дай мне хотя бы кофейку чашечку проглотить. Я без этого – мёртвый.

Уж не знаю, что он услышал в моём голосе, но только вдруг сменил гнев на милость:

– Ладно, алкоголик несчастный, иди на кухню. Я уже всё приготовил.

Кое-как вытершись махровым полотенцем и обмотав им свои чресла, я, шлёпая босыми ногами по полу, выхожу из ванной комнаты. Нужно признать, что душ помог совсем чуть-чуть. Радикальней душа могли помочь только две таблетки “алка-зельтцер”, разведённые в холодной воде. Лучшее средство, чтобы прочистить мозги человечество ещё не придумало. Не считая, конечно, клина, который, как известно, тем же самым клином и вышибают.

Искомый клин обнаруживается на кухне в виде наполовину опустошённой бутылки водки, стоящей посреди стола в окружении пустых жестянок из-под рыбных консервов. Да, видно сильно мы дали вечером и ночью, если я даже позабыл навинтить пробку. С чего это мы с ним? Однако, решив, что остальное смогу вспомнить, только избавившись от головной боли, я протягиваю руку к бутылке. Но Вовкин голос заставляет меня остановиться:

– Как есть, свинья, – произносит друг, входя следом за мной в кухню. – Ещё крошки в рот не бросил, а уже к бутылке тянется. Нет, брат, сейчас только кофе и ничего больше. На серьёзное дело пойдём.

– Да скажи ты мне, ради Христа, что за дело? – почти взмолился я, так и не соображая, о чём говорит Гаевский. – Опять со стрельбой?

– Да-а..., – протянул Вовка. – И с чердаком у тебя непорядок. Совсем плохой стал. При чём здесь стрельба? В круиз наниматься поедем!

Алина

Я очнулась в полной темноте и даже не сразу смогла для себя решить: то ли я мертва и нахожусь в привратничкой рая (про ад, в который тоже можно запросто попасть, я как-то даже и не подумала), то ли где ещё. Однако боль, раскалённым прутом пронизавшая мой затылок и шею сразу же, как только я попыталась пошевелиться, заставила меня думать, что я всё-таки больше жива, чем мертва. И про привратничку рая можно на время забыть.

А спёртый воздух, наполненный смешанным запахом парфюма, каких-то отдушек и средства от моли, позволил мне предположить, что я нахожусь в подсобке какого-нибудь галантерейного магазинчика. Может быть даже, того самого бутика, из которого только что вышла с покупкой. Или на каком-то галантерейном складе.

Руки мои чем-то стянуты за спиной, и я никак не могла поначалу сообразить, почему же они не двигаются. Однако, пошевелив пальцами, я смогла дотянуться до этого "чего-то". Похоже на обычный скотч, которым пользуются нынче все, кому не лень. И кому надо что-то паковать. Вот меня и запаковали. Да так плотно, что и не вырваться.

Интересно, долго ли мне здесь предстоит лежать? Может, стоит позвать на помощь? Хотя нет, кричать и вообще шуметь, пожалуй, не нужно: а вдруг те, кто это со мной сделал, вернуться и убьют? Страшно даже подумать. Однако, торчать в кромешной тьме, в полном одиночестве, не представляя себе своей дальнейшей участи, пожалуй, ещё страшнее.

Поэтому, здраво рассудив, что хуже нынешнего положения уже не будет, я попробовала тихонько крикнуть. Однако из этой попытки ничего путного не вышло. Так как рот мой тоже оказался залеплен скотчем. И наружу через нос вылетело только едва слышное мычание. Последнее открытие меня несколько озадачило. Это, сколько же времени я здесь нахожусь, что кожа лица успела адаптироваться к мерзкой липучке? Уж никак не меньше часа. За что же это они так со мной? Вроде, ничего плохого никому не делала. Перед глазами снова встала гнусная рожа того, из "жигуля" и его мерзкий голос, обозвавший меня "сучкой".

Самый ужасный поступок, совершённый мною за последние полгода – уход от мужа. Но ведь за это же не убивают! Да и не похищают тоже. Тем более, что он сам виноват. Ведь, не окажись он тогда в постели со своей лупоглазой секретуткой, ничего бы и не случилось. Так и жили бы вместе. Нет, конечно, я и раньше подозревала, что он позволяет себе какие-то шашни на стороне. Потому что, с чего бы это мужику, прожившему со мной почти четыре года, ни с того, ни с сего делать мне время от времени столь дорогостоящие подарки? То колечко подарит, то часики с брюликами на руку. Нет, определённо – гулял. Однако, это были только подозрения. Никаких реальных доказательств его измен у меня не имелось.

И если бы в тот день, когда я застала его с этой лупоглазой кикиморой, я вернулась домой попозже, то определённо получила бы вскоре ещё одно колечко на палец. Да только шейпинг,

как на грех, отменили и мы с Люськой, поев мороженого в кафешке неподалёку, отправились по домам. Люське в тот вечер повезло больше моего. Она как раз переживала очередное междуужье и потому ни на кого в своей постели не наткнулась. Не то, что я.

Ещё с порога я услышала такие завывания, которые абсолютно не оставляли никаких сомнений в источнике их происхождения. Решив поначалу, что мой муженёк малость сбрендил и крутит плёнку с какой-нибудь грязной порнухой, я, бросив сумку в прихожей, подалась в гостиную. Однако, телевизор был выключен, а звуки всё неслись и неслись. И раздавались они не откуда-нибудь, а из-за дверей нашей с ним супружеской спальни.

Ну, скажите теперь, что бы вы сделали на моём месте? Правильно: и я тоже распахнула дверь. Картина, открывшаяся моему взору, была настолько непрезентабельна, что даже не стоит отдельного описания. Скажу только, что ляжки у этой лахудры уж больно худосочные, а ступни здоровущие, как у хорошего мужика. Вот никогда не думала, что у моего идиота такой плебейский вкус.

Ну, как же тут было не уйти, хлопнув на прощание дверью? Что я и сделала с большим шумом. По пути залезла в ящик бюро, в котором хранились мои документы, прихватила в прихожей сумочку и – бывайте здоровы! Не поминайте лихом. Единственное, о чём я жалела потом – что не прихватила заодно и свои цапки, которые покоились в том же бюро, но в соседнем ящичке. К слову сказать, было их там не очень много. Так, несколько колечек, оставшихся от мамы, да те побрякушки, которые дарил мне этот Казанова после своих очередных кобелиных походов.

Единственное, о чём я потом сожалела, так это о фамильном колечке, перешедшем ко мне от мамы, и доставшемся ей ещё от бабушки. Неизвестный ювелир укрепил достаточно большой, размером с хорошую виноградину камень в оправу, украшенную растительным орнаментом.

Огранённый кабашоном изумруд и впрямь походил на виноградину, спрятавшуюся среди миниатюрных, вылепленных с особой тщательностью виноградных листочков. Размер камня и его чистота предполагали немалую ценность вещицы. Но для меня это кольцо было ценно уже хотя бы тем, что это была единственная память, оставшаяся у меня от покойной мамы.

Люська была очень удивлена моим визитом. А уж когда я рассказала ей все подробности, расплакалась и разрешила пожить у неё. И не только разрешила, но в приказном порядке велела оставаться в её доме, пока всё не утрясётся. Так и прожила я у неё почти полгода. До сегодняшнего дня. Ну, скажите, разве это достаточная причина для похищения, или, тем более для убийства? Говорю, как на духу: так и было. Ибо не знаю, будет ли у меня время и возможность покаяться перед смертью.

А в том, что смерть гуляет рядом, я перестала сомневаться, потому что где-то неподалёку раздались звуки открываемой двери, шарканье шагов по полу и (ну, это надо же!) голос самого распоследнего на свете подонка, моего муженька, который, как бы продолжая разговор, произнёс:

– Нет, об этом не может быть и речи. Вы сделали работу только наполовину. Значит и получите только половину обговоренной суммы.

– Гнилой базар гонишь, фраер. – Голос говорившего был мне знаком. Это был тот самый: из машины. Который с пистолетом. – Ты Валету девку заказывал сделать, гнал, что голимый счёт к ней имеешь. Получил свою девку? Гони лавэ!

– Я договаривался с ним, что вы её ещё и того, ну, в смысле, это... ага. Что же мне теперь с ней делать с живой?

– А нам, фраер, это до фени. За те бабки, что ты Валету засветил, мы подписались только запаковать твою деваху. Нам мазы нет, девку твою при всём честном народе заваливать, а потом баланду за три косаря хлебать. Если лавэ больше не было, надо было молдаван нанять. Или

малолеток. Они б её и за полштуки баксов на части разорвали. А мы люди серьёзные. Был базар про три косаря – гони бабки. Или на нож поставим.

– А если вы её того, ну, вы поняли чего, тогда сколько?

Бог мой! И это говорит моё убоище. И не про кого-нибудь говорит, а про меня! Ну и что же, что мы больше не живём вместе? За это убивать? Но должна же быть и какая-то иная причина, кроме моего ухода. Он хоть и гадина последний, но чтобы своими руками собственную жену? Хорошо хоть, что в силу своей природной скаредности он не отвалил этим громилам сразу тыщ десять. Тогда бы не видать мне больше белого света определённо.

– Если хочешь, чтобы девку замочили, ещё пять косых и все дела, – подумав, отвечает тот, что с пистолетом.

– Но у меня нет дома таких денег, – заблеял мой подонок-муженёк. – Давайте договоримся так: вы её сейчас забираете и где-нибудь того. Ну, в смысле, где вам удобнее. – Он явно не хотел произносить ни слова об убийстве, пуританин хренов. – А я завтра к Валету подъеду и деньги привезу.

– Ну нет, фраер, так не катит. Запаковать девку, это одно. На крайняк, мы её назад отвезём и распаковать можем. А вот мочить, это уже только в одну сторону. Тут бабки вперёд надо, иначе базара не выйдет. Как один штемп базлал: – "Утром деньги – вечером стулья" – только не помню кто, – захохотал громила, крайне довольный своей шуткой.

– Но вы же не оставите её вот так, здесь? – снова ноющим тоном заблеяло моё ничтожество.

– Быстрее сядешь, быстрее выйдешь, в смысле – быстрее нам бабки засветишь, быстрее твою овцу заберём, – не поддавался не его уговоры собеседник. – Так что, давай, фраер, готовь бабки. Провожать не надо, мы сами дверь найдем.

Вот это да! Так вот оказывается, где я лежу: в бельевой комнате собственного дома. Которая находится как раз на выходе из гостиной в прихожую. Ну, ничего себе заморочки, да? Потому и темно вокруг, что окон здесь нет. Теперь я сообразила, откуда идёт такой запах. Ведь я же сама раскладывала среди белья подушечки саше, наполненные лавандой, полынью и ещё какой-то травкой. Всё время забываю её название. Впрочем, название и не важно. Гораздо важнее, как найти способ выбраться отсюда до возвращения громил? И, по возможности, живой.

Так, будем думать. Как же хорошо, что это ничтожество никогда не любил держать дома деньги. Хотя бы немного, тысяч пять-десять. Значит, если у моего (а после всего, что сегодня произошло, так совершенно точно – **бывшего моего**) подлеца (а как прикажете его называть после того, что я услышала?) нет дома ещё пяти тысяч баксов, то до завтрашнего утра наверняка и не будет.

Потому что занимать деньги не в его привычках. Чтобы те, кто вчера дал, завтра сами к нему не обратились. Так что в долг кому-то давать для него, так уж лучше укуса выпить. Таким образом, остаётся только его банк. А банк отпадает, потому что наверняка уже закрыт.

Откуда я знаю? А очень просто: когда я выходила из бутика с обновкой, машинально глянула на часы. Так как решала, хватит ли у меня времени на мороженое перед шейпингом. Тогда было начало пятого. От бутика к нашему дому доехать – не меньше сорока минут. Это если водитель умелый. И знает, как быстрее к нашему коттеджу в посёлке "Сокол" проехать, минуя всякие нехорошие места с километровыми пробками. Значит, привезли меня в пять, не раньше. Отсюда до банка, где этот Гобсек хранит то, что не успел ещё за кордон переправить, тоже не меньше часа. А в час пик, как сейчас, так и вовсе полтора. Определённо, у меня есть время до завтрашнего утра. Минимум – до одиннадцати. Максимум – до обеда.

Поэтому нужно попытаться улизнуть отсюда раньше этого часа икс. Для начала нужно хотя бы освободить руки. Но как? Я напрягла свои несчастные мозги, вспоминая, что же я держала в бельевой такого, что могло бы мне помочь освободиться. Но голова просто раскалывалась после удара, и на ум ничего путного не приходило. Наконец, я вспомнила про коро-

бочку с шитьём, которую постоянно держала здесь. А ведь там определённы должны лежать и ножницы. Надеюсь, моё бывшее убоище не выбросило этот бесполезный, с его точки зрения, предмет на помойку?

Я попробовала подняться на ноги и тут с отчаянием обнаружила, что эти паразиты спеленали меня, словно мумию египетскую. Не только руки, но и ноги были плотно стянуты мерзкой липучкой. Для начала мне пришлось порядком покрутиться гусеницей по полу. Потом, обтирая плечом своего персикового пиджака побелку (сколько раз предлагала этому недоноску позвать маляра и покрасить бельевую изнутри водоэмульсионкой!), я с горем пополам встала на ноги. А затем принялась шарить носом по полкам. Ну, погодите у меня, подонки! Только выберусь, я сюда взвод милиции с автоматами приволоку. Вот тогда вы у меня попляшете!

Однако, сколько я ни шарила носом, картонка с шитьём всё не находилась. Я приуныла. Наверное, теперь, когда в доме не стало жены (женщины, а я была в этом уверена, у этого полового маньяка после моего ухода не переводились), коробочка с иголками-нитками стала ненужным обо мне напоминанием. И наверняка нашла свой последний приют на какой-нибудь свалке. Куда и я могу запросто угодить, если не справлюсь с проблемой. Мысли о свалке, о том, как неприятно там пахнет, придали мне новых сил, и я лихорадочно стала искать новый способ избавления от стягивающих руки и ноги пут.

Внезапно я натолкнулась на гладильную доску, прислоненную к стене бельевой. Пожалуй, это как раз то, что мне сейчас нужно. Наверняка, если долго тереть скотчем о её край, он (скотч, конечно же) должен перетереться. Поэтому, повернувшись к доске спиной, я поднесла к её краю связанные руки, и стала неистово двигать ими вверх-вниз. Чтобы помочь рукам и быстрее избавиться от этой ненавистной липучки, я даже приседала некоторое время. Но потом ноги устали, и я решила передохнуть.

Тем более, что за дверью вновь послышались шаги этого "гуманиста". Которые прошлёпали (теперь я уже ориентировалась в звуках) на кухню и там смолкли. Раздался хлопок дверцы холодильника и звяканье стекла. Всё правильно: сейчас этот волк в овечьей шкуре нальёт себе очередную дозу. Как раз его время. Совсем, как англичане со своим файв-о-клоком. Но у моего бывшего он называется сикс-о-клок. Каждый вечер в шесть часов он должен выпить. Потому что, как говорил, имеет право. День, говорил он, на то и день, чтобы деньги зарабатывать. А вечером – почему не выпить под телевизор? И пил. Каждый вечер в шесть. А потом смотрел свои дурацкие новости по телеку. Довольно мерзкая привычка, замечу я вам.

Шаги прошаркали обратно в гостиную, откуда вскоре раздались позывные первого телеканала. А я, подождав немного для верности, с новыми силами продолжила перетирать мои путы. Скрутившиеся в трубочку и елизившие по запястьям полоски скотча очень больно впились в кожу при каждом движении. Но я не оставляла надежды освободиться и с завидным упорством двигала руками вверх-вниз. От перенапряжения становилось трудно дышать: ведь рот-то мой был залеплен, и я могла втагивать воздух только ноздрями. Нет, какие же всё-таки сволочи. Так запеленать! А если бы у меня был насморк?

Постепенно скотч начал уступать перед моим упорством. Я уже чувствовала, как удавка, стягивающая мои запястья, стала слабеть. А затем и вовсе разошлась. Пошевелив пальцами рук, я встряхнула ими пару раз, отлепила от кожи остатки липкой ленты и стала массировать пальцы и запястья, восстанавливая кровообращение. Вскоре чувствительность вернулась, и я возобновила попытки спасти свою жизнь.

Первым делом я сорвала скотч со рта. Прямо скажу, это было непросто. И достаточно неприятно. Эти подонки обмотали его вокруг головы, поэтому я смогла лишь сдвинуть его вниз, и теперь липкая полоска болталась у меня на шее, словно ярмо у коровы. Я слышала, мужчинам, особенно с растительностью на лице, это делать вообще очень больно. Зато дышать теперь стало гораздо легче.

Следующим этапом моего вызволения из плена стало освобождение ног. Тут пришлось повозиться. Потому что эти мерзкие похитители добропорядоёных женщин обмотали скотчем мои лодыжки, будто лошади на лугу. Половину рулона перевели, никак не меньше! Однако вскоре, после непродолжительных, но упорных трудов и ноги мои также обрели свободу.

Однако, степень свободы, как сказал кто-то из умных, определяется всего лишь длиной поводка. Моя степень свободы определялась площадью бельевой комнаты, в которой я была заперта. И выйти отсюда без посторонней помощи не представлялось возможным. Хотя бы потому, что на внутренней стороне двери не было даже ручки. А снаружи дверь запиралась на обычный английский замок.

В другой ситуации это бы меня не смутило: я могла бы попросту вышибить дверь или попробовать открыть её тихонько с помощью кредитки. Но сейчас и первый и второй вариант отпадал. Во-первых, я не могла поднимать шум: кто знает, что на уме у этого монстра, которого я почти четыре года называла своим мужем? А во-вторых, кредитка осталась в сумочке. А её в бельевой я так и не нашупала. Ну что же, придётся пока освобождаться дальше, а там посмотрим.

Но насчёт посмотреть, я погорячилась. Проведя рукой по лицу, я обнаружила ещё одну полоску скотча, приклеенную на мои глаза. Вот тут-то я и столкнулась с проблемой. Точнее, с самой главной проблемой. Я не раз наблюдала за героями фильмов, которые совершали подобную операцию. И знала, что сдёргивать липучку лучше очень быстро: это будет не так больно. Поэтому, нащупав пальцами край полоски скотча, я приготовилась к неминуемой боли и дёрнула. Ау, вот чёрт! Я никогда не подозревала, что это настолько больно. От неожиданности я просто взвыла, не сумев сдержать вырвавшегося изо рта крика. Да за одно это стоило прибить то животное, которое раньше звалось моим мужем!

И вот ведь как: помянешь чёрта, а он тут как тут. Услышав вой, донёсшийся до гостиной из запертой бельевой, этот Синяя Борода вдруг вспомнил о моём существовании. Потому что за дверь я услышала приближающиеся шаги. Ну, точно: он шёл именно сюда. Я лихорадочно зашарила руками вокруг в поисках более-менее подходящего оружия. Ничего, кроме простыней, пододеяльников, да полотенец. Не бить же его гладильной доской? Стоп! Где доска, там должен быть и утюг. Я отчётливо помню, что мы всегда держали его с краю на самой нижней полке, среди ненужных тряпок.

Нагнувшись, я протянула наугад руку и почти тотчас же наткнулась пальцами на прохладный металл утюга. Схватив его в правую руку, я выпрямилась, прижалась боком к стене и затаила дыхание именно в тот момент, когда шаги затихли, остановившись перед дверью.

– Эй, ну, что у тебя там?

Голос его трусовато подрагивал. Я стояла, боясь пошевелиться и почти не дыша. Ни звука не доносилось и снаружи. Должно быть, этот имбецил размышлял: почудился ему крик, или нет. Наконец, его врождённые любопытство и глупость перевесили. Щёлкнул замок и в бельевую проник тонкий лучик света. Я занесла руку над головой и приготовилась для удара.

Ничего не разглядев в узенькую щёлку, он приоткрыл дверь ещё пошире и просунул голову в образовавшееся отверстие, ожидая увидеть меня лежащей на полу. Однако тут его ожидало полное разочарование. Не увидев меня в полоске света, этот кретин начал приподнимать голову наверх. Лучшего момента нельзя было и представить. Изо всех сил, вложив в этот удар всю свою злость за пережитые сегодня страх и боль, я шандарахнула его тяжёлым утюгом по макушке.

Олег

Расстояние между нами стремительно сокращалось. Я вообще бегун никакой, а тут ещё тяжёлый кофр, который то и дело стучал меня по коленям, основательно затрудняя отступле-

ние. Мой преследователь был явно уверен в успехе, наверное поэтому прекратил стрельбу. Я понимал, что долго мне не протянуть. Если уж он меня догонит, то просто тумачами я не отделаюсь. Раз он затеял стрельбу, не побоявшись возможных неприятностей с чешской полицией, значит, задачу ему поставили до предела ясно.

Нужно было срочно выбирать: аппаратура или здоровье. А то и жизнь. Но жизнь, понятное дело, всегда дороже. Поэтому подбегая к перекрёстку и уже буквально спиной ощущая на коже дыхание врага, я бросил кофр ему под ноги и стремительно метнулся за угол. Я бы бежал не оглядываясь и дальше, если бы не визг тормозов, раздавшийся за моей спиной. Повернув голову на звук, я отчётливо рассмотрел последний акт трагедии.

Не ожидая от меня подобной подлянки, преследователь постарался перепрыгнуть так некстати оказавшееся на его пути препятствие, но нога его всё же зацепилась за ремень кофра. Запутавшись в нём и, вытянув вперёд руки, в одной из которых по-прежнему был зажат пистолет, парень начал валиться на асфальт. Однако, сила инерции была столь сильна, что он пролетел тротуар и свалился на проезжую часть.

Водитель автобуса, проезжавшего мимо, не был готов к подобной ситуации, поэтому вместо того, чтобы отвернуть в сторону и объехать тело, он, от неожиданности, нажал на тормоз. Но моментально остановить многотонную махину автобуса конечно же был не в состоянии. Огромное колёсо, встретив на своём пути преграду, немного самортизировало. Но всё же не настолько, чтобы не превратить в кашу грудную клетку пострадавшего.

Стоп, стоп, стоп! О чём это я? Ну, ничего себе! Это кто же пострадавший? Тот самый гориллообразный, что стрелял в меня из своего бесшумного пистолета? Да если бы не кофр, вовремя брошенный мною под его ноги, вполне возможно, что под автобусом мог покоиться я. Кстати, о кофре, хорошо, что не забыл: нужно бы прибрать его, пока не поздно и сматываться с этого места куда подальше.

Не обращая внимания на взволнованные крики тех немногих пассажиров, что начали вываливаться из автобуса, я метнулся назад, к перекрёстку. Кофр, как и следовало ожидать, валялся у самого края тротуара. Доли секунды мне хватило на то, чтобы подхватить его за ремень и броситься наутёк. И вовремя: к перекрёстку стремительно приближались две фигуры в тёмных костюмах. Стрелять в присутствии десятка зрителей они, скорее всего, поостерегутся, но впрочем, кто их знает?

Как говорится, бережёного и Бог бережёт. А чтобы поберечься, следовало как можно скорее найти хоть какую-нибудь щёлку и забиться туда поглубже. Но, как на грех, таковой всё не находилось. Дома на этой улице стояли впритык один к одному, окружённые солидными каменными заборами. Если я начну перелезать, то неминуемо потеряю время и преследователи обязательно меня настигнут.

А они, кстати, были не так уж и далеко. Топот их ботинок по асфальту раздавался, казалось, прямо за моей спиной. А может быть, это так колотилось моё сердце? Я нёсся вперёд, хватая воздух широко раскрытым ртом и думал только о том, чтобы не дай Бог не споткнуться.

Добежав до конца квартала, я, как заяц, сделал ещё один рывок в боковую улицу, но и там меня ожидало разочарование. Мало того, что она, как и предыдущая, состояла из сплошных заборов, так ещё и до следующего перекрёстка было не менее двухсот метров. Я понял, что не сумею добежать до следующего угла и тем, кто гонится за мной не составит труда подстрелить меня на этой пустынной улице.

Но видно судьбе было угодно, чтобы я ещё немного пожил. Иначе я не наткнулся бы на пару мусорных контейнеров, мирно стоявших у края тротуара. Поняв, что это мой единственный шанс, я, приподняв крышку одного из них, метнул внутрь многострадальный кофр. Затем, сняв с ноги одну кроссовку, бросил его изо всех сил по ходу движения и тут же нырнул в контейнер вслед за кофром.

Воняло внутри просто немилосердно. После долгого бега лёгкие просто требовали новых порций воздуха, однако то, что я вдохнул внутри контейнера, оказалось не совсем тем, что мне было нужно. Горло сдавил спазм тошноты. Только этого мне не хватало. Чтобы кроме всего прочего я добавил к этому букету содержимое собственного желудка? Ну, уж нет! Я зажал рот рукавом, пытаюсь использовать ткань как фильтр, но это мало помогло. Однако, другого выхода пока у меня не было.

Зато задумка с кроссовкой оказалась удачной. Буквально через секунду после того, как я упокоился на дурно подванивающем мусоре, по тротуару прогрохотали ботинки двух бегунов. Пробежав мимо контейнера шагов на двадцать вперёд, преследователи остановились. Я представил их недоумённые рожи и мысленно поздравил себя за находчивость.

– Смотри, тапок вроде его, – раздался неподалёку задыхающийся от быстрого бега голос одного из преследователей. – Точно, его! Смотри, ещё тёплая. Наверно через забор свалил, падла. Ладно, я за ним, через забор, и во дворах порысачу, а ты вокруг. Да гляди, не упусти, если на тебя выбежит, а то нам Кирилл яйца оторвёт.

Дождавшись, когда кряхтенье перелезающего через забор прекратилось, а шаги того, что пустился за мной в погоню затихли за углом, я приподнял крышку своего вонючего убежища. Улица в оба конца была совершенно пуста. Лишь на тротуаре метрах в двадцати от контейнера сиротливо валялась моя кроссовка. Справедливо рассудив, что лучше бегать в одной кроссовке, чем не бегать вовсе, я развернулся в другую сторону и понёсся наутёк.

Только квартала через три я наконец нашёл для себя мало-мальски приемлемое убежище. Забившись в щель между двумя заборами, и пытаюсь перевести дух, я лихорадочно соображал, что же мне делать дальше. О том, чтобы вернуться в гостиницу не могло быть и речи. Там меня наверняка поджидали. Обращение в полицию тоже не сулило ничего хорошего. Ещё навесят на меня того, что под автобусом. Да и вообще, могу вляпаться в нехорошую историю: я ведь не знаю даже, кого снимал в гостинице. И из-за чего теперь на меня идёт охота.

Единственным правильным выходом для себя я видел только возвращение в Москву. Уж там-то меня ни за что не разыщут. Какое счастье, что я имею привычку хранить деньги и документы в своём кофре, с которым никогда не расстаюсь. Этому меня учил ещё мой учитель, который постоянно вдалбливал: – “Помни, фотохудожник без аппаратуры – как музыкант без партитуры. Никогда не знаешь, через которое мгновение Судьба подарит тебе единственный шанс стать знаменитым. Лови момент!”.

Вот я его и поймал. Знаменитым я могу и не стать, зато безымянным трупом – вполне. Если меня разыщут те двое горилл. Значит, единственный шанс избежать встречи с ними, это поскорее вернуться домой.

От Усти-над-Лабем, городка в котором за мной шла охота, до Праги я мог добраться только поездом. Может быть, автобусом тоже, но в ночное время автобус явно не ходит. Значит нужно пробираться к вокзалу. Если мне повезёт и я попаду на электричку, то утром могу уже быть в пражском аэропорту. А это как раз то, что было для меня сейчас важнее всего.

С величайшими предосторожностями, поминутно оглядываясь, я пошёл к центру города, выбирая улицы потемнее. Пару раз забежал в парадные домов, пережидая пока мимо проедет очередной подозрительный автомобиль. Нужно ли говорить, что после случившегося все проезжающие авто казались мне подозрительными?

Одна из машин остановилась как раз у парадного, где я, скрючившись в тамбуре между двумя застеклёнными дверями, прятался от очередного света фар. От страха, что меня сейчас поймают и даже, может быть, убьют, противно заныло в животе и почему-то сразу ослабели ноги.

Однако, опасения мои оказались напрасными, так как это оказалось такси, привезшее к дому целую компанию подвыпивших молодых людей. Когда все они высыпали из салона, я понял, что Судьба в очередной раз являет мне свою благосклонность. Выскочив, как ошалелый

из дверей парадного, чем привёл в замешательство молодых людей, я ринулся к машине с криком: – Такси!

Слава Богу, таксист оказался понятливым, и мне без особых проблем удалось объяснить ему, куда нужно ехать. Он только поморщился, уловив носом неприятный запах, исходивший от моей одежды, но вида не подал. Уже через десять минут такси притормозило у привокзальной площади и водитель, обернувшись, вопросительно посмотрел на меня:

– Где пан выйдет?

Что-то остановило меня от того, чтобы расплатиться с ним сразу и выйти тут же, на площади. Вместо этого я попросил таксиста проехать ещё пару раз туда-сюда по площади, объяснив, что хочу разыскать своих знакомых, которые должны ехать со мной одним поездом.

Вполне вероятно, и даже почти наверняка в Москве меня послали бы подальше, однако, Чехия – это хоть и Восточная, но уже Европа. Поэтому сидевший за рулём парень не стал возмущаться, а медленно повёз меня сначала в одну сторону, затем в другую. Я внимательно глядел по сторонам, но никого подозрительного не заметил.

Все бывшие в это время на привокзальной площади выглядели вполне мирно, были заняты своими делами, и ловить человека с кофром не собирались. Я бы так и попался в составленные моими загонщиками сети, если бы не водитель. Когда я уже собрался расплачиваться и выходить из машины, таксист указал рукой на двоих парней, стоявших под деревом, густая крона которого не пропускала фонарный свет и не позволяла рассмотреть их лица:

– Не это ли друзья пана?

Но нет, это не были мои друзья. Кто бы они ни были, но только не друзья. Скорее – это были мои враги. С места, где они стояли, можно было котролировать все подходы к вокзалу. Никто, из пожелавших отправиться этим вечером в путь на поезде, не мог бы проскользнуть незамеченным мимо этой парочки. И хотя их лиц в темноте не было видно, я знал, что они ждут именно меня. Потому что в руке одного из парней была зажата моя кроссовка.

Алина

После того, как тело несостоявшегося женоубийцы опрокинулось навзничь, гулко ударившись башкой о паркет, я осторожно переступила через него, и выбралась из душевой бельевой. На то, чтобы определить, убила я его, или просто оглушила на время, у меня не было ни сил, ни желания. Главное, побыстрее выбраться из этой западни. Но перед уходом, я обязательно должна забрать свои цапки. Раз уж попала в этот дом, пусть и против своей воли, так хоть пользу какую-никакую поимею.

Пройдя в гостиную, я направилась в угол комнаты, и подошла к бюро, стоявшему у самого окна. Интересно, на месте ли мои побрякушки, или это похотливое животное уже успело раздарить их своим беспутным девкам? Открыв нужный ящичек, я с удовлетворением обнаружила, что золотишко на месте. Ну, может, чего-то и не хватало, так на это я не обратила внимания. Главное, что заветное колечко оказалось в целости и сохранности, чем я не преминула воспользоваться, нацепив его на палец.

Оглянувшись по сторонам в поисках чего-нибудь, в чём можно было бы унести мои сокровища, я не нашла ничего удобоваримого. Ну, не нести же мои сокровища по улице прямо в ящичке? “Наверное, в кухне смогу отыскать какой-нибудь пакет”, – подумала я и, осторожно переступив через лежащее в прихожей тело этого великого гуманиста, направилась на поиски.

Там-то, в кухне, я и увидела свою сумку. Она преспокойно лежала на подоконнике, а внизу, рядом с батареей – пакет из бутика. Смотри-ка, какие порядочные нынче похитители пошли: за три тысячи баксов (сами говорили) они похищают посреди Москвы молодую женщину. А оставить себе сумочку, цена которой пятьсот и туфли из бутика за триста – постесня-

лись. Я уж не говорю о такой мелочи, как зажигалка Дюпон из золота с эмалью. Хотя, что это я так раздухарилась? А может, и взяли? Однако проверять не стала: потом посмотрю.

Больше мне ничего не требовалось: сумка вполне вместит все мои цапки и ещё место останется. Так что я потянула её с подоконника, одновременно нагибаясь вниз за пакетом. В это самое время мимо моей головы и пролетел этот белый, продолговатый конверт. Который шлёпнулся на пол, рядом с моими ногами. И на котором я увидела свои имя и фамилию, пропечатанные в целлофановом окошке конверта.

Смотреть, что же там, внутри, у меня не было времени. Я и так уже позволила себе оставаться в одной квартире с... (а может быть, я действительно его убила, и он теперь труп?) Впрочем, неважно с кем. Главное, побыстрее отсюда смотаться. Я снова перепрыгнула через неподвижное тело, подбежала к бюро и побросала в раскрытую сумку свои побрякушки. Затем прихватила конверт, пакет с босоножками и бросилась к дверям.

На улице Алабяна, куда я выскочила в поисках такси, было совсем малоллюдно. Стоя у края проезжей части, я постоянно нервно озиралась по сторонам, ежесекундно ожидая ещё какой-нибудь подлянки со стороны того, кто остался лежать на полу в моём бывшем супружеском гнёздышке. Страх всё не отпускал и меня начала бить мелкая и противная нервная дрожь. Только четвёртая или пятая из машин, которые я тормозила, остановилась, наконец, у бордюра. На небольшое облачко пыли, обдавшее мои ноги, я не обратила внимания.

– К метро “Семёновская”, бросила я водителю, плюхаясь на заднее сиденье.

Пожилой мужчина, сидевший за рулём, согласно кивнул головой и тронул машину с места. Я нервно оглянулась назад, но позади всё казалось совершенно спокойным. Негромкая музыка лилась из приёмника, мы ехали вперёд, и никто не гнался за нами следом. Достав из сумочки пачку, я вытряхнула одну сигарету, потом, пошарив внутри сумки рукой, выудила зажигалку и закурила.

Успокаивающее действие выпускаемого тонкими струйками дыма, постепенно уняло дрожь в моём теле, я начала заново осмысливать то, что сегодня со мной произошло. Нет, но каков засранец! Так поступить с человеком, с которым почти четыре года сидел за одним столом и спал в одной кровати. Да ему просто нет прощения. Даже, если я и прибила его, поделом мерзавцу! А если не убила, а только оглушила? И вот тут, в зеркальце заднего вида, я поймала осуждающий взгляд пожилого водителя. Увидев, что я это заметила, он со вздохом промолвил:

– Эх, зря ты это сделала, дочка.

Я непроизвольно вздрогнула. Что? Неужели по мне заметно, что я только что, возможно, убила человека? Как он мог догадаться? Может быть, где-то на мне его кровь? Да нет, вроде, я не заметила. Ну, не-етушки, свидетелей не было, значит пойдём в несознанку, пока точно не припрут к стенке. Поэтому, сделав по возможности удивлённые глаза, я неестественным, севшим от волнения голосом переспросила:

– Что вы имеете в виду?

– Да то, что вы, молодые, зря так за модой гоняетесь. Не для всех нынешняя мода годится. Ну, посмотри сама: красивая ведь ты деваха, а что с лицом сотворила? И куришь, как паровоз. Вон, голоса нет совсем, хрипишь, как мужик.

Ещё не понимая, что он имел в виду, когда говорил о лице, я перегнулась через спинку сиденья и потянулась к зеркальцу. То, что я увидела, не поддаётся никакому описанию: из зеркала на меня глядело совершенно безбровое лицо с красными от слёз глазами. Французская тушь на остатках ресниц тоже пострадала от скотча и теперь обрамляла глаза широкой траурной каймой. Про помаду на губах и говорить не стоит. У клоунов в цирке и то аккуратнее.

Нет, определённо всё, что получил мой бывший от меня сегодня, не стоит и сотой доли того, что он должен бы получить по праву. Едва осознав, что же на самом деле имел в виду водила, я нервно засмеялась. И смеялась всё громче, всё заразительнее, пока и он не начал сначала улыбаться, а потом и вовсе хохотать во всё горло.

Я смеялась до слёз, с новой силой хлынувших из глаз, до колик, до судорог, и сама не заметила, как опустилась до банальной истерики. Теперь меня всю колотило, слёзы лились, из носа текло, воздуха не хватало. Водитель, поняв, что со мной явно что-то не так, остановил машину, прижав её к обочине и, развернувшись на своём сиденье, принялся меня успокаивать. Но, не тут-то было. Чем активнее он меня жалел, тем обильнее лились слёзы из моих глаз. Вскоре, поняв всю бесплодность своих попыток, он чертыхнулся, снова завёл машину, и повёз меня к Люське.

Подружка поплакала вместе со мной, сопереживая моим сегодняшним злоключениям, потом вытерла слёзы, улыбнулась и предложила:

– А давай-ка, Алинка, надерёмся сегодня до поросычьего визга, а? Что это мы слёзы льём, когда надо праздновать твоё счастливое избавление от этих негодяев? У меня припрятана бутылочка “Киндзмараули”. Ну что, годится?

Я согласно кивнула, утирая слёзы, и тоже попыталась улыбнуться. Люська, получив моё согласие, тут же умчалась на кухню. Не буду скрывать, мы ещё по разику всплакнули, пока не опорожнили всю бутылку. На десерт умяли по порции мороженого, предусмотрительно купленного запасливой подругой, и стали размышлять.

– Так ты говоришь, твой Гобсек был готов выложить аж восемь тыщ, чтобы тебя укокошили? – возбуждённо вопрошала подруга, закуривая сигарету.

– Ну, некоторым образом, получается, что так. Во всяком случае, три тысячи за моё похищение он им уже заплатил. А ещё пять обещался отдать завтра.

– Чем же ты ему так насолила, Алинка? Может, он на твои деньги зарится?

Я тоже закурила и задумалась. В самом деле, не на деньги же он мои польстился. Ну, было у меня на счёте в банке чуть больше ста тысяч. Так он сам предложил положить их на моё имя в банк после того, как я продала родительскую квартиру. И с тех пор ни разу о деньгах не вспоминал. Слава Богу, нам хватало денег и от его бизнеса.

И, насколько я знаю, его дела после нашего расставания, всё время шли только в гору. Уж сколько он за кордон переправил, не знаю, врать не буду. Но думаю, что на его счетах за границей лежит никак не меньше двух-трёх миллионов. Так что его меркантильный интерес к моей персоне в этом случае отпадал по определению.

Ревнивцем он тоже не был. Во всяком случае, до сих пор. Конечно, как и всякий мужик, любил иной раз позудеть про мои частые походы на шейпинг. Но я думаю, это скорее делалось для профилактики и по инерции. Может быть, услышал какую-нибудь оскорбившую его грязную сплетню? Но я твёрдо знаю, что никогда своим поведением не давала повода для подобных разговоров. Тогда – что?

– Ай, подружка, что мы всё думаем? – прервала мои мысли Люська. – Давай-ка спать ложиться: утро вечера мудренее.

Действительно, пора было укладываться. За прошедший день на меня навалилось столько переживаний, что я уже не в силах была сидеть за столом. Голова клонилась к рукам, и глаза закрывались сами собой. Засунув руку в сумочку, чтобы достать расчёску, я вдруг наткнулась пальцами на свои цапки, которые до сих пор так и не выложила. Доставать побрякушки по одной уже не было ни сил, ни желания. Я просто перевернула сумочку над столом и высыпала на скатерть всё содержимое.

– А вот за это хвалю, – одобрительно заметила Люська, увидев на столе горку золотых колец, серёг и цепочек. – Нечего этому кровососу своё добро оставлять. Ой, а это что?

В руках она держала конверт, который я впопыхах сунула в сумочку и потом благополучно о нём забыла. Повертев конверт в руках, она обследовала его со всех сторон, потом уставилась на меня:

– Ну, и что там, внутри?

- Да я ещё не читала. Просто схватила, когда увидела и кинула в сумку.
- Как же не читала, когда конверт вскрыт?
- Значит, мой любопытный бывший муженёк сунул туда свой длинный нос.
- Можно? – с любопытством в голосе спросила Люська, приоткрывая конверт.
- Валяй, – ответила я покладисто. – Какие секреты могут быть у меня от лучшей подруги?

Люська вытащила из конверта сложенный втрое листок, развернула его и принялась за чтение. Видно, что-то там было такое в этом листке, отчего подруга пришла в некоторое возбуждение. Прочитав весь текст от начала до конца, она перечитала его ещё раз, потом схватила конверт, и принялась изучать обратный адрес отправителя.

– И ты даже полглазком не заглянула внутрь, пока ехала?

– Я же говорю, не читала, а что там?

– Ну и дура, что в конверт не заглянула. Тогда бы мы с тобой весь вечер голову не ломали, почему с тобой такое приключилось сегодня, – заявила Люська и, протягивая мне листок с текстом, велела: – Прочти.

Дрожащей рукой, полная ужасных предчувствий, я взяла листок и поднесла его к глазам. Однако, по мере чтения, ужасные предчувствия куда-то улетучились, зато мысли в голове сразу завихрились, да так, что я еле могла соображать:

“Уважаемая госпожа Озерова, – было написано на том листке.

Вы приглашаетесь в Инюрколлегию по адресу (далее следовал адрес) для решения вопроса о получении наследства, завещанного Вам господином Аарни Ярвинен, скончавшемся 29.11.2000 года в городе Хельсинки, Финляндия.

Там было что-то ещё, но я уже не могла читать: слёзы застилали глаза. Дедушка! Я никогда его не видела, только знала о нём по рассказам папы. В 1920 году, когда Ленин подписал Декрет о независимости Финляндии, мой родной дед, Пертти Ярвинен, решил, что должен строить новый мир в Стране Советов.

Всмерть разругавшись с отцом и матерью, он с одним чемоданчиком уехал из Хельсингфорса в Петроград. Сменив свои имя и фамилию с Пертти Ярвинен на Пётр Озеров, он, вместе со своими товарищами по Коминтерну, все силы отдал построению коммунизма в отдельно взятой стране.

Работа для дедушки всегда была на первом месте. Поэтому, оказавшись в стране Советов, он с головой ушёл в партийные дела. Партийная ячейка стала его домом, партийцы – его семьёй. Настоящей семьёй он обзавёлся лишь, познакомившись на митинге в поддержку немецких товарищей с моей будущей бабушкой, такой же как и он сам пламенной революционеркой. Словом, основатели нашей семейки были ещё теми личностями. В таком же революционном духе они воспитали и моего папу.

Поэтому для него стали настоящим шоком откровения дедушки о тайне происхождения фамилии Озеров. И ко всему, во всех без исключения анкетах папа писал, будто родственников за границей не имеет. Даже когда дедушка умер. А тут – на тебе! Мало того, что родственники, так ещё и зажиточные. Ну, это по словам дедушки, который оставил Финляндию в двадцатом году.

Узнай об этом органы, папу мигом бы турнули из его страшно секретного почтового ящика. А то могло случиться что-нибудь и похуже увольнения. Поэтому вплоть до самого начала перестройки папа сидел тихо, как мышь. И только с ослаблением режима постарался навести справки о своих финских родственниках. А я даже финский начала изучать, мечтала, что в Финляндию поеду, когда их найдём.

Однако, ничего путного из этого занятия не вышло. То ли не там искали, то ли не так, то ли не тех, только отовсюду ему вышел, что называется, от ворот поворот. Вот и получилось, что через какое-то время мы смирились с мыслью, будто мы действительно не имеем родственников за границей. Хотя к тому моменту это было уже не принципиально для папиной карьеры.

– Бедный дедушка, – горько прошептала я, закуривая уже не помню какую по счёту сигарету. – Он так хотел вновь повидаться с родными. Да не сумел. А теперь и у меня не получится.

– С чего ты это взяла, что не получится, – возразила Люська, которая выслушав мой рассказ тоже испереживалась порядком. – Твой двоюродный дедушка умер, не спорю. Но ведь остались же у него дети и внуки, твои дядья и тётки, а также братья-сёстры! Не бойсь, теперь-то их отыщем, раз Инюрколлегия тебя разыскала.

– Она же не меня, она женоубийцу моего разыскала, – заметила я без энтузиазма. – Теперь понятно становится, почему он тех громил нанял.

– Слушай, а он богатым был, дед твой, а? – заинтересованно спросила Люська. Теперь она уже горела жаждой действия, словно наследство предназначалось не мне, а ей самой. Поэтому, не дождавшись ответа на свой вопрос, подруга уже выстраивала план действий: – Значит так: завтра с утра едем в Инюрколлегию. Судя по адресу – это где-то на Ордынке. А потом в ЗАГС. Срочно разводиться с этим подонком, чтоб потом на твои кровные не претендовал. А сейчас – спать.

Олег

– Хелена, у меня неприятности, – проговорил я в трубку, услышав на том конце провода заспанный голос своей подружки. – Я даже не знаю, к кому обратиться за помощью.

– Как же не знаешь, когда ты звонишь мне, – как ни в чём ни бывало, промурлыкала она. – Кстати, ты знаешь, который час? Мы с Франтой уже давно спали. Ну, если хочешь, то приезжай.

– Спасибо, сейчас приеду, – приободрился я. Всё же появился кто-то, кто сможет если и не помочь толком, так хоть дать дельный совет. Всё-таки Хеленка лучше знает здешние порядки. И продолжил: – Слушай, объясни таксисту, куда ему ехать. Ведь я даже не знаю твоего адреса.

Таксист хмыкнул, увидев протянутую ему трубку мобильного, но приложил её к уху. Недолго послушав, кивнул головой: – “То яснэ, пани, на схледано”* (*Понятно пани, до свиданья), – и снова запустил двигатель.

К дому Хеленки мы добрались меньше, чем за четверть часа. Ещё издали я заметил тоненькую фигурку девушки, кутавшуюся в наброшенную на плечи цветастую накидку. Она стояла рядом со своим “фиатиком”, на капоте которого вальяжно развалился огромный рыжий котяра. Рассчитавшись с облегчённо вздохнувшим таксистом, я вылез из машины, и обнял Хелену.

– Фу, как от тебя пахнет, – проговорила она, невольно отстраняясь. – Ты что, парфюм завёл экзотический? Или на свалке побывал?

– Ну, на свалке, не на свалке, но кое-где побывал. Хорошо, жив остался. В дом не пригласишь?

– Ой, извини, – спохватилась Хеленка. – Пойдём наверх. Франта, домой!

Вопреки её опасениям, что Франтишек будет ревновать, котяре я определённо пришёлся по душе. Поднимаясь вместе с нами по лестнице, он то и дело путался у меня под ногами, норовя обнюхать брюки. А возле двери и вовсе начал тереться о мои ноги, задрав трубой свой непомерно пушистый хвост. Вид у него при этом был невероятно довольный.

Однако, когда ещё через полчаса, я, вымытый под душем и благоухающий дивными запахами, исходящими от Хеленкиного халата, появился в кухне, Франтишек моментально потерял ко мне всяческий интерес. Зато я сразу заинтересовался. Но не Франтой, а тем чудесным натюрмортом, что приготовила для меня заботливая Хеленка.

Небольшой столик на двоих, едва вмещал всё то разнообразие закусок, которыми собралась потчевать меня хозяйка. Отлично запомнив мои пристрастия, она не позабыла выставить

на стол и пару бутылочек с водкой и ликёром. Предпочтя “Стару Мисливецку”* (*Старая охотничья водка) “Бехеровке”, я расположился со стаканчиком в руке за столом и прежде всего позвонил Филе.

– Ты хотя бы представляешь, который час в Москве, паразит? – недовольно промычал Филипп, услышав моё приветствие. – Что, до завтра подождать не мог?

Стараясь не растягивать надолго телефонный разговор, я, как мог кратко, изложил другу возникшие у меня проблемы. Рассказ занял не более минуты. Филя, несмотря на сонное состояние, въехал в тему почти моментально:

– Старик, лететь из Праги даже и не думай. Это очень рискованно. Они могут ловить тебя здесь рейсом из Чехии. Сделай так: немедленно бери напрокат машину и езжай в Германию. Я думаю, как бы серьёзно ни настроены твои загонщики, автобаны им перекрыть не удастся. Кишка тонка. Полетишь домой из Берлина. И отзовишься сразу же по прилёту.

Но Хеленка и слышать не хотела ни о каком прокате. Мне стоило огромных трудов уговорить её остаться дома. И только после получасовых уговоров согласилась позвонить в местное отделение “Hertz”.

В огромном здании берлинского аэропорта, куда я добрался на арендованном автомобиле, мне первым делом нужно было приобрести сувениры для девчонок из фотоотдела и Филя. Всё-таки неудобно возвращаться из поездки без подарков. Тем более, что возвращаюсь с проблемами. Которые одному ни за что не решить. Я только-только успел оплатить покупки, как объявили посадку на московский рейс.

И лишь в самолёте мне удалось хоть немного справиться с напряжением, не покидавшем меня уже больше суток. Устроившись в кресле, я не стал дожидаться взлёта, а постарался расслабиться и немного вздремнуть. Как знать, что ждёт меня в Москве?

Пройдя паспортный и таможенный контроль на прилёте, я первым делом отзвонился Филе. И, как оказалось, предпринял все эти предосторожности совсем не зря. Голос друга, когда он ответил, показался мне каким-то чужим. Да и слова он говорил какие-то странные:

– А, Арсений, привет, – проговорил он в трубку, услышав мой голос. – Хорошо, что позвонил, а то мы тут тебя уже обыскались. Ты же обещал материал принести, нам заказ сдавать нужно срочно. Давай-ка я курьера к тебе в коммуналку пришлю, ему свою статейку и передай. Часиков в двенадцать, лады?

Я не успел ответить и слова, как в трубке раздались короткие гудки. Я стоял, как оглушённый, ничего не соображая. Какой, к чёрту, Арсений? При чём тут статья и вообще: он что, не узнал моего голоса? Да нет, быть такого не может! Стоп, стоп. Что-то тут явно не то. Скорее всего, он говорил так для того, чтобы тот, кто был в это время рядом, не понял, с кем на самом деле говорит главный редактор. Значит? А это значит, что у него в кабинете был некто, кто пришёл по мою душу, не иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.